89-8
846-11

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Н. САВИЦКОГО

ВЫПУСК XI

1935

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

ОТ РЕДАКЦИИ.

После нескольколетнего перерыва мы возобновляем издание «Евразийской Хроники». Каково же назначение нашего журнала? Назначение это, в первую очередь таково: на каждом доступном нам фронте бороться за мировое призвание русской и евразийской культуры. Это означает: внутри СССР неуклонное противостояние коммунистическим шаблонам, прорубание для дела и мысли более широких путей, чем узколобый и «вышедший из моды» материализм Маркса и Энгельса. В эмиграции это означает неустанную подготовку, уже в мировых масштабах, нового откровения русской и евразийской культуры. Коммунизм и «диамат» — только преходящий этап в ее развитии. Мы уверены, что уже и под их коркой зреют силы, равных которым нет во всем мире. И это именно силы не одного лишь русского народа, но всех народов Евразии, поднятых теперь историей к великой творческой роли. Культурная работа эмиграции и вообще «Зарубежной России» должна быть широкой и всесторонней не потому, что в СССР на культурном поприще ничего не делается, но именно потому, что там делается многое, но делается не совершенно. Размах культурной работы

в СССР должен быть для всех зарубежных представителей русской и евразийской культуры бодрящим и вдохновляющим фактором и должен побуждать их вносить в русскую культуру как раз то, чего не в состоянии дать коммунисты (вспомним, напр., их философское ничтожество). И если эта программа будет осуществляться — сделанное «Зарубежной Россией» войдет и в русско-евразийскую культуру в ее целом.

Ни одно другое течение не ставит этих вопросов с такой широтой, как то делает евразийство. На обоих сторонах рубежа евразийцы работают в одних и тех же целях — в целях культурно-исторического насыщения русской и евразийской современности. И сколь бы ни были ограничены их силы, они не сомневаются, что выполнят свое предназначение: укажут русско-евразийской культуре путь к небывалому.

К ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОВИНЦИАЛИЗМА.

Формула найдена: совершенно прав Бухарин. «Жестокая некультурная провинция» всё еще царит в Советской России. Коммунисты, очень смелые (сплошь и рядом на горе стране) в области социального эксперимента, чрезвычайно робки и даже трусливы (опять-таки на горе стране) в сфере собственно культурной. У них все еще поджилки трясутся пред лицом романо-германской Европы. Возмущаться этим — вовсе не значит отрицать те ценности, которые создала и создает Европа. Но Россия-Евразия воплощает собою совершенно самостоятельную традицию, ничем не уступающую романо-германской, а по своим возможностям превосходящую ее — вот чего не в силах понять и реализовать коммунисты. Послушайте их жалкий лепет! Вот что говорил К. Радек на недавнем писательском съезде в Москве: «Когда мы приближаемся мысленно к таким странам, как Франция, мы должны всегда помнить то, что ощущал Герцен, когда в первый раз был в Кёльне. Он сказал, что каждый камень этого древнего города имеет бóльшую историю культуры, чем все здания царской России 50-х годов. Мы должны помнить об этом. И, товарищи французские писатели, вы правы, когда указываете нам на это прошлое, которое у вас создало больше индивидуальностей, чем их создала царская Россия». Не знаешь, чему больше удивляться: невежеству или лживости этих слов. Или те, кто создал

великое государство, объединившее в своих пределах «одну шестую» мира, о которой так любят говорить и коммунисты, — или эти люди были «меньше» тех, которые создавали французское государство на западном краешке Европы?! Или те русские люди, которые в труднейших условиях колонизовали эту «одну шестую», были «меньше» французских колонизаторов? Поймите, господа Радеки, что для того, чтобы осваивать новые — и при том в русских условиях — суровые земли — нужна, прежде всего, *личность, индивидуальность*, смелая, творческая, *великая* личность. И никем иным, как такими личностями, освоено и возделано то пространство, которое вы теперь не без удобства можете пересечь в экспрессе или на самолете — на протяжении от Балтийского моря до Великого океана. Это вы, господа Радеки, не умеете ценить *трудовых* усилий этих *великих* личностей, сплошь и рядом известных нам и по именам, этих землепроходцев и колонизаторов — простых крестьян и «казаков» «царской России». Или русские писатели меньше французских? Но этого, применительно к *прошлому*, не сказали бы, я думаю, и ваши «французские товарищи». А если русские «камни» (и вообще камни Евразии) кажутся вам менее красноречивыми, чем «камни» Европы — то лишь потому, что вы не умеете их слушать. Герцен, в наивном невежестве, сболтнул зеленую глупость *). А вы раболепно ее за ним повторяете. Ни в каком ином месте мира, как в «царской России», находились «камни» южно-русского зодчества XI-XII веков, среди которых жили и авторы нашей несравненной «начальной летописи», и поэт «Слова о полку Иго-

*) Степень точности передачи слов Герцена оставляем на совести К. Радека. Здесь же хотим отметить, что почитать таланты — не значит считать правильным каждое слово, сказанное талантливым человеком. Даже величайшие гении по временам проявляли невежество и говорили глупости. Говорил их и Пушкин — напр., о «заслугах» Руси по части «спасения» Европы от татар. В XIII в. татары могли быть только полезны для Европы, способствуя разрушению провинциальности ее тогдашнего горизонта.

реве». Герцен, в своем ослеплении, просто не умел видеть тех перлов владимиро-суздальского зодчества XII-XIII веков, которые его окружали в некоторые моменты его жизни. Вам ли повторять за ним его пошлости? Или вы хотите прикрыть ими тот факт, что вы и вам подобные *разрушаете* эти драгоценные памятники, как разрушили уже в Москве «Николу Большой Крест», Сухареву башню и большое количество других *шедевров архитектуры*, являющихся таковыми не в русском, но в *мировом* смысле. Но пеняйте в таком случае на собственное свое варварство, а не на традицию той страны, в которой вы находитесь. И не далек уже тот час, когда *в собственных ваших рядах* восстанут люди, которые сумеют по иному оценить эту традицию. Тогда они проклянут непоправимое дело и гнусные имена разрушителей. Как не упали при ваших словах от стыда и позора колонны того исторического зала, в котором вы их произнесли (колонный зал «Дома союзов»): ведь и этот прекрасный зал создан еще при «царской России». Будем верить, что тень его создателя — Казакова — будет неуклонным вам мстителем.

— Даже та русская *революционная* традиция, о которой говорил Ленин, действительно великая (по степени напряжения и выдвинутым личностям), хотя и дурно направленная традиция не в силах убедить господ Радеков. Или, быть может, она сложилась не в пределах «царской России»?! — «Флагелланты» типа Герцена-Радека *), наряду с русским, не стесняются оскорблять своим невежеством также и другие народы Евразии. Так, напр., «камни» насыщенной культурной истории Армении и Грузии уже находились в 50-х годах в пределах России. Чем они хуже и «меньше» «камней» Кёльна и Франции? Герцен и Радек просто не знают о них. Но невежество не есть довод.

*) Они важны нам здесь не сами по себе, но как представители определенного типа трактовки русских проблем. Как писатель, Герцен, конечно, бесконечно сложнее и одареннее Радека.

«Эмоции» радековского типа определяют внешнюю культурную «политику» СССР. Чем иным можно объяснить тот факт, что нынешняя власть пассует пред каждым натиском на международный авторитет русского языка? На любом международном собрании любой англичанин, немец, француз, итальянец, испанец может говорить и, действительно, говорит на своем языке — только представители СССР говорят не на своих языках, но непременно по *романо-германски*. Вы стыдитесь своей не-романо-германской сущности, товарищи? Или хотите похвастать своим знанием «европейских» языков? Народы СССР вправе не разделить ваших «эмоций». Народы эти навеки останутся верны своему *восточному* существу, своему качеству восточного мира. А путь своему языку на мировые просторы они все-же прорубят, — *несмотря* на вашу политику «трясущихся поджилок». Какая нелепость: вы представляете 170 мил. людей — крестьян и рабочих — иными словами, нечто близкое к *совокупной* численности трех крупнейших европейских народов или даже превосходящее ее. И вы позволяете третировать свой язык и себя, как самых жалких провинциалов, пред которыми дерет нос и последняя европейская курица. Вы издаете теперь ежегодно почти столько же книг, сколько вся Европа, вместе взятая, — и при том сплошь и рядом книг превосходных— и вы не в силах отстоять прав того языка, на котором эти книги пишутся и издаются!

Дело доходит до анекдотов. Почти при каждой русской научной работе, выходящей в СССР, до сих пор печатается то или иное романо-германское резюмэ. По языку они бывают обыкновенно безграмотны, буквально «курам на смех». Польза от них, конечно, нулевая. Но «похвально» самое намерение. Русские могут читать романо-германские вещи без всяких русских резюмэ, но романо-германцы, изволите ли видеть — не могут читать русских вещей, без особых резюмэ. И советские издатели в подобострастном усердии торопятся их изготовить — впрочем, без всякого толка:

их романо-германского бормотанья все-равно никто не читает, и они только роняют этим свой авторитет. Уважающая себя власть была бы обязана *запретить* эту бессмысленную растрату денег и авторитета. Каждый серьезный ученый мира *обязан* читать по русски. А Россия-Евразия (СССР), в свою очередь, может и должна культивировать на своей территории изучение *всех* языков мира, и не только европейских и азиатских, но также американских, африканских, австралийских. Евразийцы давно уже говорят об этой необходимости. Но одно дело — изучение иностранных языков и культуры, и другое — сервилистическое заискивание перед романо-германцами, в виде помещения пресловутых «резюмэ». «Анекдот» переходит в преступленье. Даже в последние годы многие солидные русские научные работы по производительным силам Дальнего Востока выходят в свет... с английским резюмэ. Видимо, для того, чтобы японцам (среди которых знание английского очень распространено) было удобнее учесть данные этих работ в своих захватнических планах. Поистине трогательное усердие издательств!

Романо-германские резюмэ при русских работах — это пережитки комплекса «второсортности», который был свойственен «европеизованной» России. Но не для того ли произошла революция, чтобы русско-евразийский «ведущий слой» освободился, наконец, от этого комплекса? Оказывается, однако, что коммунисты и сейчас раболепно повторяют европоцентрические предрассудки своих бывших господ — правящего слоя «европеизованной России».

Не нужно быть великим пророком для того, чтобы предсказать, что романо-германцы, действительно, начнут читать русские работы тогда, когда сами русские, а вместе с ними и другие народы Евразии научатся уважать достоинство и права своего языка и своей культуры, когда — в данном маленьком частном вопросе — о романо-германских резюмэ при русских работах не будет и речи. Иными словами: уже и теперь эти резюмэ исполняют роль, прямо обратную своему назначению. Не это — действительный путь международного сближения. «Золотой путь» такого сплочения лежит в создании кадров специалистов, которые ставили бы своей первейшей задачей создание тесных культурных и иных связей между отдельными странами. И это дело, как все прочие, должно быть выделено в *особую* отрасль и поднято на высокий уровень.

Да в одном ли языке дело?! Благодаря никчемности культурного руководства, тому «провинциализму», о котором говорил Бухарин, пропускаются самые очевидные возможности выдвинуть Россию-Евразию к культурно-руководящей роли. Так, напр., на вне-союзных экранах русские *фильмы* доселе почти так же редки, как редки в мире белые воро́ны. Даже в славянских странах романо-германские фильмы забивают их совершенно. Между тем, русский язык в говорящих фильмах звучит превосходно. Силы русского искусства (и др. евразийских) достаточны, чтобы создать увлекательные ситуации, незабываемые образы. Но *в международном масштабе* эти возможности не используются в сколько-либо достаточной степени. «Руководство» не понимает, что вести пропаганду — это вовсе не значит создавать «пропагандные» фильмы. Для русского фильма еще не проложена столбовая дорога к сердцам и душам зрителей и слушателей всего мира, та дорога, которую могут и *должны* проложить русские литература и искусство.

Еще более жалкую картину представляет собою вся область *моды*. Также и в этой области евразийский культурный мир призван создать самостоятельные образцы и независимые от внешнего мира центры распространения моды. Что же мы видим на самом деле? Москва плетется в хвосте европейской моды, питаясь ее объедками *). Между тем, какие просторы открываются пред русским искусством в смысле *организации моды*, создания рисунков и моделей костюмов, новых типов танца. Не менее существенно продвижение их в

*) Ср. московское увлечение джазом... в 1934 г.!

массы. Между тем, почти ничего в этом отношении не сделано. Не мобилизованы художники и поэты для создания и популяризации моды. Не выжжен — и в этих вопросах — каленым железом «комплекс второсортности». Не создан *свой* костюм, *свой* танец, не отшлифован, не показан миру *).

«Комплекс второсортности» нужно прикончить во что-бы то ни стало. Во *взлете*, в *осознании своей мировой роли* — ключ к разрешению не только частных проблем, вроде вопроса международного делового языка (каковым должен быть и русский), мирового распространения русского фильма, создания собственной моды, но и урегулирование всего *национального вопроса* в Советском Союзе. *Отдельные* евразийские народы могут быть подвержены «комплексу второсортности». В своем соборном и братском единстве они абсолютно недоступны для него. Не «комплекс второсортности», но *мироводительство* — вот лозунг русско-евразийской культуры в ближайший и уже начинающийся период. «Комплекс второсортности» нужно оставить на долю украинских, белорусских и прочих подобных «нацдемов» **). Взирая на Европу, как

*) Для того, чтобы справиться с этими задачами, нужно преодолеть то пренебрежительное отношение к моде, которое и сейчас еще господствует в части русской интеллигенции. Пора перестать считать моду выражением одной лишь суетности и легкомыслия. Мода есть великая социальная сила, ярче, чем что другое, свидетельствующая о природе человека, как существа общественного. Евразийцы в области моды отнюдь не являются «архаизаторами». Евразийскую моду нужно строить наново, не ставя себя в зависимость от тех или иных образцов прошлого. Делаемого по этой части в СССР (напр., создание — уже в 1934 г. —художественного совета для утверждения новых фасонов платья и т. д.) совершенно не достаточно. Нужно поднять волну художественного вдохновения, которая позволила бы создать действительно самостоятельные центры распространения моды.

**) Русские «нацдемы» не лучше украинских и белорусских. Мы должны подчеркнуть, что дело здесь не в национальном признаке, но в типе мировоззрения. Также природный великоросс, оторвавшись от обще-евразийской сущности, способен впадать в самый жалкий «комплекс второсортности». Действительность подтверждает это множеством случаев. Украинских и белорусских «нацдемов» мы берем в качестве яркого примера такого отрыва.

на недосягаемый идеал, лебезя перед нею и презираемые ею (кто станет уважать «второсортных»?), они неустранимо пребывают в объятиях этого «комплекса». Оставим же их с *их* Европой. Все люди большого духа из тех же украинцев, белоруссов и пр., уйдут в бóльшие дела и в более широкие горизонты. Самое крепкое основание культурного единства Евразии есть пламенное вдохновение и непрерывное, уверенное в себе творчество, развиваемое всеми его сторонниками.

Способны ли коммунисты справиться с этими задачами? Или же они будут разрешены лишь в тот момент, когда *евразийский костяк* вышибет из евразийской действительности культурно-историческую мягкотелость и устарелый «европоцентризм» коммунистов?

П. Савицкий.

ДУХОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕВРАЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Евразийство иногда упрекают в том, что оно дает слишком большой перевес натуралистическому обоснованию своих идей и что в нем материальный момент (география) определяет духовное содержание культуры, которая представляется как бы некоторой «надстройкой» над чисто физической базой. В этом смысле евразийство имеет как будто какой то привкус марксизма. Нужно со всей силой протестовать против такого толкования евразийской теории культуры и истории. Евразийство всегда подчеркивало огромное значение духовных предпосылок культуры — тех духовных эмоций, которые являются движущими пружинами всякого культурного развития, тех «идей-сил», без наличности которых культура не только не может развиваться, но и существовать. Евразийство противопоставляет себя всем натуралистическим или биологическим теориям культуры, как экономический материализм, расизм и т. п. Но в то же время, евразийство не отрывает «идей» от «материи», не впадает в отвлеченный идеализм, противопоставляемый отвлеченному материализму. Для евразийства всякая идеальность не отделима от некоторой связанной с нею реальности, даже «материальности». Идеальность и материальность суть диалектические моменты целостного бытия, так же как форма и содержание, непрерывность и прерывность, единство и множество, сила и масса.

Оттого в целостности евразийской культуры, в относительной плероме ее земного бытия, материальный момент является вечным спутником идеального, который от этого не только не теряет своей ценности, но приобретает плоть и энергию, необходимую для реальной жизни и для реального исторического действия.

Определение духовной стороны евразийской культуры наталкивается на ту трудность, что «духовное», как порождение энергии и силы, всегда находится в становлении и движении. Оттого духовное содержание культуры никак нельзя выразить при помощи чисто статических определений. Содержанию этому необходимо присущи подвижность и динамичность. Духовная сторона евразийской культуры никогда не есть простая «данность» — она в то же время всегда вечная заданность, задача и цель. Евразийский человек не только существует, но и творится в процессе культурного развития. Процесс культурного творчества никогда не есть процесс мирный, безболезненный и прямой. Культура претерпевает те же болезни роста, что и физический организм. Отрицательный момент истории, о котором учил Гегель, всегда дает себя знать и в культурном развитии. Его реальным проявлением являются культурные революции и «скачки», столь же неотделимые от истории человеческих обществ, как и от истории физического и животного мира.

Россия в ее московский период истории вплоть до второй половины 17-го века представляла собой некоторый подлинный мир в себе, духовные предпосылки которого были именно «евразийскими». Не только чрез постоянные бытовые связи, но и через Византию и ее влияние Восток в России соприкасался с Западом. Но насколько этот московский мир был далек от Европы — в этом может убедиться всякий, кто прочтет свидетельства и впечатления от Московии любого старого европейского путешественника.

Решительное движение этого самодовлеющего мира в сторону Европы впервые произошло в результате

культурной революции, произведенной Петром Великим. Евразийцы всегда подчеркивают, что построенная этим царем по европейским образцам Российская Империя фактически не была ни Европой, ни Азией, а представляла собой образование подлинно «евразийское». Вторая культурная революция в смысле движения на европейский Запад была произведена большевиками. Большевизм можно рассматривать как дальнейший «скачек» в направлении европеизации России — однако и в результате его Россия еще не стала Европой. Напротив, русский марксизм и ленинизм ярко выразил все свои не европейские, чисто «евразийские» черты. Для уяснения духовного смысла этих двух революций нужно подчеркнуть, что Петр хотел привить России культурные формы Европы существующей, настоящей, тогда как большевизм стал прививать России формы Европы социалистической, т. е. будущей, идеальной, мифической, которой в действительности никогда еще не существовало. Большевистская Россия опередила Европу тем, что она вздумала реализовать у себя одну из европейских социальных утопий. Тем самым в России неизбежно кончается процесс подражания Западу. Для современной России идейно Запад уже исчерпан. Напротив, революционные элементы Европы хотят ныне подражать России, провозглашая известные лозунги: «Да здравствует *наша* Октябрьская революция... Да здравствуют Советы!» — России необходимы ныне новые идеалы. Первые евразийцы это поняли и формулировали с предельной и исчерпывающей силой.

«Освободив свое мышление и мироощущение от давящих его западных шор, писал в 1922 году Н. С. Трубецкой, мы должны внутри себя, в сокровищнице национальной русской духовной стихии, черпать элементы для создания нового мировоззрения. В этом духе мы должны воспитывать и подростающее поколение. В то же время вполне свободные от преклонения перед кумиром западной цивилизации, мы должны всемерно работать на создание самобытной национальной культуры, которая сама вытекая из нового мировоззрения, в то же время обосновала бы собою это мировоззрение. В этой огромной всеобъемлющей работе есть дело для всех, не только для теоретиков, мыслителей, художников и ученых, но и для техников, специалистов и для рядового обывателя. Общим требованием, предъявляемым ко всем, является радикальный переворот в мировоззрении» (На путях, Берлин, 1922 года, стр. 314).

Евразийство хочет преодолеть Запад не извне, но извнутри — из самого духа Запада, который стал ныне для евразийского человека собственным и своим. Ныне уже не только верхи русского общества проникнуты западными началами, как это было в старой дореволюционной России — ныне широчайшие слои русского демоса захвачены западным активизмом, энергетизмом, продуктивизмом, экономическим материализмом и атеизмом. От того задача евразийства становится не только национальной, но и вселенской: русский народ должен в себе и через себя преодолеть западного человека, который распространил свою культуру на весь мир. Этой вселенскостью евразийство резко отличается от фашизма, национальсоциализма и т. п. течений, которые являются доктринами националистическими, не ставящими перед собой никаких всечеловеческих задач.

Такое преодоление евразийство видит в «исходе к Востоку», следовательно, в приятии тех ценностей, которые лежали в основании восточных культур и пренебрегались и отрицались новейшим Западом. Дело идет не о том, чтобы объазиатить Россию и весь мир, но чтобы построить новую культуру на осознанном синтезе Востока с Западом — культуру евразийскую. Можно сказать, что этот зов к Востоку раздается не только из уст евразийцев. Сам Запад в своем современном духовном кризисе начинает иначе относиться к Востоку, начинает внимательно к нему прислушиваться и старается его понять. С некоторым правом можно сказать, что ныне и Европа стала «евразийство-

вать», что еще раз подчеркивает вселенские задачи евразийской доктрины *).

До некоторой степени Запад был уже стихийно преодолен большевизмом, несмотря на чисто западнический характер вдохновляющего большевиков марксистского идеала. Отличительной от новейшей Европы чертой Востока является то особое религиозное горение, та особая атмосфера веры, которыми были проникнуты древние и восточные культуры. По общему признанию эта атмосфера веры составляла основную особенность духовной жизни старой России. И надо сказать, ее не мог погасить русский марксизм, несмотря на официальную проповедь неверия. «Жизнь будет хороша, прекрасна, мы построим абсолютно счастливую жизнь» — таков главный мотив, увлекавший революционные массы русского народа. Во имя этой прекрасной жизни приносились миллионы жертв. Тяжести русской действительности переносились зачастую без ропота и с подъемом. Нельзя представить себе этих настроений без наличия глубокой веры в близкий земной рай — в то, что старые социалисты называли Новым Иерусалимом, новым царством Божьим на земле. Достаточно усумниться на мгновение в спасительной силе коммуны, и весь коммунистический строй станет немыслим. Падет его основная идеократическая пред-

*) Укажу в качестве наиболее характерного примера на слова одной новейшей философской книги: «нам кажется тягостным, что Запад, по своему духу и по совокупности своих тенденций, все более удаляется от Востока, как это происходит в настоящее время, что не намечается реакция, которая могла бы иметь, при известных условиях, наиболее благоприятные последствия; это представляется нам тем более тягостным, что область, в которой развивается новейшая западная цивилизация, по существенной природе своей, является наиболее ограниченной из всех возможных». Ср. Р. Генон. Общее введение в изучение индусских учений, 1932, стр. 328. Заметим, что автор принадлежит к католическим кругам. Ср. также новую книгу на немецком языке Рихарда Вильгельма, Человек и бытие, которая всецело наполнена своеобразными «евразийскими настроениями».

посылка, на которой он весь стоит и держится. Русский марксизм по духу своему гораздо более похож на старый религиозный социализм начала 19-го века, чем на социализм «научный». На Западе этот религиозный социализм вдохновлял небольшое количество интеллигентов, вышедших из религиозной католической среды (каким был например, Сен-Симон). В России он захватил широкие народные массы и стал огромным народным движением. Возможно ли это без того горения веры, о котором мы говорили?

Сен-симонисты верили, что наступит время, когда «промышленность будет подлинным культом Предвечного». Можно сказать, что в современной России это время уже наступило. Вера в окончательную победу социализма, как некоторого абсолютно благого дела, создала там «неуклонный подъем энтузиазма пролетарских масс» и породила ту энергию промышленного строительства, которая вызвала в жизнь новое отношение к производительному труду в виде ударничества, социалистического соревнования и т. д. Психологические настроения, внушаемые при этом массам, являются формами титанического пафоса, вдохновения и подъема, подобными религиозным эмоциям и чувствам. Заимствованный у Запада продуктивизм движется в России не мотивами личного эгоизма, не инстинктом личного обогащения, а некоторыми коллективными эмоциями, в которых воскрешается романтика общего сотрудничества, общего дела и коллективной солидарности всех трудящихся.

На Востоке человеческая личность всегда была более связана с общественным целым, чем на Западе. Восток чужд был западному индивидуализму и социальному атомизму — этим краеугольным камням новейшей западной культуры. Реакция против индивидуализма на Западе, проявившаяся в органических социальных теориях, в воззрениях исторической школы 19-го века, в учениях западной социологии, — наконец, в западных социализме и коммунизме, была только идейным течением, которое слабо отразилось на

строе действительных учреждений и реальной общественной жизни. Общественный уклад Запада продолжает быть узко индивидуалистическим вплоть до возникновения новейших массовых общественных движений в лице фашизма и расизма. И нет спора, что ранее возникновения этих последних движений, русский большевизм радикально перестроил действительное отношение личности к обществу, решительно сошел с почвы экономического и политического индивидуализма. Экономический индивидуализм никогда не имел выдающихся защитников в России, так же как здесь не были популярны и широко распространены индивидуалистические учения о естественных правах человека и гражданина. Для психологии русского человека характерно было скорее воззрение, согласно которому личность неразрывно связана с обществом и находит оправдание только в отправлении некоторой социальной миссии, в «общем деле». Таким образом большевизм, в противоположность западному марксизму, не пытался связать себя с индивидуализмом. Отсюда резкое отрицание им либеральных и демократических учреждений Запада, недоверие к буржуазным правам личности и к европейскому парламентаризму. Сказанным и объясняется острая вражда большевиков к классической западной социал-демократии, ко всему тому, что на русском языке называется меньшевизмом. Большевизм можно даже упрекнуть в том, что вопрос о личности и обществе он практически решил слишком «по азиатски» — что политическая и экономическая система русского коммунизма безраздельно отдала личность на службу государству и таким образом прегрешила против проповедуемого самими ленинцами диалектического подхода к решению проблемы личности и общества. Это диалектическое решение заключается не в том, что личность растворяется в обществе, или, наоборот, общество погашает свое самостоятельное существование в отдельных личностях, — но в том, чтобы синтезировать индивидуальное с универсальным, частное с общественным. К этому и сводится истинно евра-

зийское решение этой проблемы, которое было формулировано евразийцами и в их воззрениях на хозяйство (государственно-частная система) и в их философии права.

Евразийство, наконец, не раз указывало, что в русском коммунизме фактически превзойден был даже экономический материализм Маркса — несмотря на то, что учение о зависимости идеологии от экономической базы составляет неотъемлемую часть ленинистского символа веры. В экономической практике русских большевиков-коммунистов не экономика определяет идеи, а наоборот идея, план руководит экономикой. Экономика занимает подчиненное положение по отношению к плану — и таким образом вся система носит характер идеократической. Ложность такого рода идеократии заключается в том, что руководящая идея в ней сама по себе чисто «экономична». В ней нет ничего, кроме культа производства во имя чисто гедонистического идеала удовлетворения первоначальных потребностей — идеала сытости. Духовные потребности, хотя и не отрицаются большевиками, но, поистине, самостоятельное существование их в марксистской теории никак не оправдывается. Преодоление экономического материализма русским коммунизмом является, следовательно, чисто формальным — и по существу материализм будет преодолен в России только тогда, когда на место марксистской системы ценностей будет поставлена система ценностей евразийская.

В основе всякой культуры всегда лежат некоторые духовные ценности, наполняющие строющих культуру людей пафосом творчества и требующие соответствующего этим ценностям построения и оформления жизни. Ценности эти, обыкновенно, не осознаются носителями данной культуры. Можно сказать, что культура обычно является продуктом подсознательного творчества, и ценности, лежащие в основании культуры, впервые должны быть открыты культурной философией *).

*) См. моя «Теория государства», стр. 56.

Не безъинтересны попытки определения основных принципов, характерных для отдельных типов культур, сделанные европейскими философами культуры, Шпенглером и отчасти примыкающим к нему Фробениусом. Мы говорим об известном противопоставлении античного, апполоновского человека человеку новому, европейскому, «фаустовскому». Первый будто бы лишен был чувства бесконечности и не стремился к овладению ею. Он любил замыкаться в свой узкий мир, в свой город, в ограниченность доступных ему пространств. Он был глубоко провинциален во всех проявлениях культуры, в своей религии, науке, философии и т. п. Второй, фаустовский человек напротив видит бесконечность и стремится к ней; все его миросозерцание охвачено чувством бесконечности и к овладению бесконечностью стремится его деятельность. Несколько варируя мысль Шпенглера, Фробениус полагал, что названные два миросозерцания характеризуют душу восточного и западного человека: первый живет, чувствуя себя как бы в пещере, и не считает мир своим домом («Вельтхёле», «Хёленгефюль»), второй живет в мире, как в своем доме, и чувствует его бесконечность, его широту («Вельтвайте», «Вельтгефюль») *).

Примечательно, что обе названные попытки одинаково двигаются по линии чисто пространственных определений. Это свидетельствует, что их сделал западный человек, который сам погружен в созерцание пространства и всю культуру свою понимает как овладение пространством и всем тем, что в пространстве заключено. Сколь далек был от подобных путей, например, представитель индийской культуры, который отлично чувствовал бесконечность мира, но чисто внешнее овладение пространством вовсе не считал положительным достижением! Духовное противопоставление двух основных культурных типов, восточного и западного, следует выразить не путем этих внешне пространственных определений, но рядом следующих метафизических антитез, примирение которых составляет историческую задачу евразийской культуры.

*) Л. Фробениус, От народоведенья к философии, 1925.

1. ПОТУСТОРОННЕЕ И ПОСЮСТОРОННЕЕ.

Мы думаем, что нет более интенсивного и принципиального противоречия в жизнеощущениях, составляющих последний двигательный мотив всякого культурного творчества, чем противоречие между стремлением к посюстороннему и стремлением к потустороннему. Диалектическим отношением этих двух понятий в конце концов определяется противопоставление между Западом и Востоком. Запад, в пределах обозреваемой нами исторической его жизни «большого стиля», всегда был более посюсторонен, чем Восток. Это совершенно неоспоримо по отношению к идеалам новейшей западной культуры, основная задача которой сводится к тому, чтобы «отречься от неба и покорить землю». Но тому, кто стал бы отрицать наш тезис по отношению к старому религиозному Западу, можно указать на несомненную посюсторонность католического идеала земной теократии, исповедание которого кладет резкую грань между христианским Востоком и христианским Западом. Мы думаем даже, что заслуживает полного внимания мысль Достоевского о том, что новейший западный социализм, как идея окончательного безбожного устроения на земле, генетически связан с католическим учением о земной теократии. И в противоположность этому — какая устремленность в потустороннее характеризует основы духовного мировоззрения Востока! Вспомним хотя бы акосмизм китайской и индийской философии, вспомним учение о крайней трансцендентности Божества восточных гностиков, восточное безразличие к земному устроению, пренебрежение ко всякому экономизму и технике. И не

может быть спора в том, что восточное православие гораздо более обращено к потустороннему, чем западный католизацизм. От того у нас и не привилась идея земной теократии, хотя мы и чужды были в то же время чисто отрешенному идеализму. Восточное православие не отрицало плоти, но требовало ее преображения. Потусторонний мир оно не отрывало от материи, которую однако представляло просветленной божественным светом, превращенной, в результате мистического акта, в начало, сопричаствующее божественной энергии *). Диалектика истории привела ныне евразийский мир к крайней ступени исповедания посюсторонних идеалов. Русский коммунизм есть последнее слово западного увлечения посюсторонностью, последняя попытка построения «земного рая». Но все более и более отдаляется момент знаменитого «прыжка из царства необходимости в царство свободы» и все более и более выветривается хилиастическая вера во всеспасающую коммуну. Коммунизм становится относительным, земным делом, повседневной политикой с ее мелкими заботами и дрязгами. Объемлющее Россию горение веры требует нового объекта, нового наполнения. Наступают сроки, когда «завоевание земли» требует не отречения от небес, но их нового раскрытия. Перед евразийским миром встает задача примирения вновь раскрывшегося потустороннего с земной практикой, как наследием коммунизма — задача примирения Востока с Западом.

2. ПОКОЙ И ДВИЖЕНИЕ.

Идеологи западной культуры прославляют активность западного человека, противопоставляя ее пассивности человека восточного *). И действительно ни одна культура не освободила такого количества энергии, как культура европейская. Она как бы находится в постоянной деятельности и в постоянном движении. Европейский человек не знает покоя и его стыдится. Жизнь больших европейских городов с ее нервным движением является истинным символом западной культуры.

В философии существовала древнейшая дилемма — что выше, движение или покой? Восточный человек предпочитал покой движению, западный делал противуположный вывод. Отношение к покою восточного человека укоренено в глубоких основах восточной философии. Миросозерцание Востока клало в основе всего сущего некоторый неподвижный божественный центр, «недвижущуюся среду», которая управляет всем миром, благодаря своей «неподвижной активности» («Шунь-юнь» — в китайской философии, со свойственным ему состоянием «неподвижной активности» — вей-кю-вей»; «Эс-Сакира» мусульманской мистики; Пакс профунда мистики позднейшей). Мы поймем своеобразную мудрость этого учения, если отметим, что всякое изменение и всякое движение мыслимы только, как процессы в бытии несовершенном. Совершенная полнота бытия не требует изменений, так как изменение в сторону лучшего для нее не нужно, а всякое другое изменение означало бы утрату этой полноты, ее ухудшение. Совершенно такой же смысл обнаруживает и чисто физическое движение или перемена места. Существу вездесущему незачем двигаться или переменять место, ибо оно и без того находится во всех местах одновременно и вечно. Движение и можно рассматривать, как проявление стремления к вездесущести, свойствен-

*) В этом отношении особое значение приобретает учение о «божественной энергии» Григория Паламы (известного богослова и византийского мистика 14 столетия). Воззрения этого выдающегося теолога столь далеки и неприемлемы Западу, что католический издатель некоторых произведений Паламы предварил издание некоторыми извиняющими перед католическим общественным мнением оговорками. Ср. Минь, Патрология, т. 151, с. 551.

*) Ср., напр., Массис. На защиту Запада. 1927. Интересны в названном отношении взгляды Г. Бергсона, в его последней книге «Два источника нравственности и религии», 1932, с. 235, и последняя глава: «Механика и мистика».

ное бытию ограниченному и относительному. Стремление это глубоко диалектично по своей природе. В движении своем тело как бы хочет выйти из своей пространственной ограниченности, хочет быть не только «здесь», но и «там», но никогда не может этого достигнуть: занимая новое место, оно тем самым теряет старое. Движение, стало быть, есть такое стремление к вездесущести, которое никак ее не может достигнуть. Оно достигло бы вездесущести тогда, когда приобрело бы абсолютную скорость, т. е. было бы одновременно и«здесь» и «там», что означает уже утрату движения. Нельзя двигаться в самом себе, как нельзя перепрыгнуть через собственные плечи. Все это показывает метафизическую пустоту и бесплодность движения, его подлинную относительность. И всё это обнаруживает конечную пустоту миросозерцания, которое движение превращает в высшую категорию.

Евразийский мир ныне заражен стихийным стремлением к движению не менее, чем мир западной культуры. Энергетизм стал основным идеалом коммунистической России или, по крайней мере, идеал этот ей старательно и упорно прививается. Ничто не передает этих настроений постоянно движущейся суеты и крайнего энергетического подъема лучше, чем некоторые произведения советской литературы (напр., «Время вперед» Катаева). Самое чтение этих произведений наполняет душу ощущением какой-то вечной спешки, какого то энервирующего беспокойства, какой то предельной энергетической напряженности. Наступят — и может быть, уже наступают сроки, когда евразийский человек утомленный этой почти что бесовской пляской, поймет мудрость успокоенного созерцания. Он поймет, что конечным метафизическим и религиозным идеалом является «покойное движение» или «движущийся покой» — это высочайшее диалектическое обобщение мистики. Тогда и произойдет примирение противоположности «спящего» Востока с энергетическим» Западом.

3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.

Западная философия была по преимуществу теоретической. Она культивировала чистую теорию, которая для нее была некоторой «целью в себе». Этот теоретический дух западной философии можно почувствовать, прочтя первые страницы «Метафизики» Аристотеля и сравнив их с любым древним индусским или китайским философским трактатом. И если на Западе существовала философия не как «чистая теория», но как учение «спасения» (Хайльслере), то здесь восточные влияния несомненны (у пифагорейцев, Плотина, неоплатоников и т. п.). В особенности же характер чистой теории всякое познание приобрело в новой, буржуазной Европе, где наука стала отрешенной от практики, чисто самодовлеющей теорией и где сама философия стремилась стать чистой наукой. В противоположность этому восточная философия всегда сохраняла «практический» характер, всегда преследовала высшую духовную и в то же время деятельную цель — именно мистическую цель конечного освобождения и спасения *). В этом смысле есть некоторое формальное сходство между восточной философией и известным стремлением Маркса слить философию с практикой и сделать всякое познание практическим. Но Маркс мыслил эту «практику» чисто материалистически, как технику, как чисто производственное изменение мира, как его использование в целях удовлетворения человеческих потребностей. Маркс также не знает чистой теории и чистой философии, что блистательно показало практическое применение его взглядов в России. Советско-марксистская философия менее всего является «чистой теорией» — нет,

*) Возражения, которые делает против этого взгляда Вальтер Бубен, Индусская и греческая метафизика, Журнал Индологии и Иранистики, т. 8, вып. 2, 1931, не достигают цели, как это убедительно показывает О. Лакомб, в послесловии к книге иезуита Г. Дандэй, Онтология Веданты, 1932. См. также справедливые рассуждения Ж. Маритэн в предисловии к его книге о Бергсоне.

это есть средство классовой борьбы, метод коммунистической пропаганды, средство для более успешного проведения того, что называется политикой «генеральной линии» правящей партии. Теоретическая и философская Истина заменена здесь классовой целесообразностью и идеей технического успеха.

Евразийству очень близко стремление сблизить науку с практикой, сочетать ее с производственным процессом, придать ей лабораторный характер. Но техническое знание в свою очередь не может иметь самодовлеющего характера. Техника должна стоять на службе у высших целей, познание которых не достигается ни в лабораториях, ни в производственном процессе. Познаются они в духовном ве́дении, которое в то же время является и духовным деланием. Экономический материализм о таком знании ничего не ведает и ему не учит. Он наивно верит, что одних эгоистических классовых интересов угнетенных и бедняков достаточно, чтобы не только вдохновить мир к преобразованию материальной природы, но и фактически эту природу преобразить. Только преображенному духу может быть открыто, как может быть преобразована материя. Одной химией этой задачи не решишь, даже если ее слить с производством. Евразийство в этом пункте стремится синтезировать идею деятельного знания в ее восточном и «западном», марксистском понимании.

Сказанное можно выразить так: евразийство полностью принимает то п о с ю с т о р о н н е е дело, которое и сейчас с большою энергией производится по части экономического, социального и политического строительства особого мира Евразии. Оно желает интенсифицировать и усилить эту работу, сознательно и последовательно согласуя ее с исходными и исконными особенностями и отличительными чертами евразийского мира. Но всю эту работу оно стремится освятить и осмыслить с т р е м л е н и е м к п о т у с т о р о н-

н е м у, в плане которого человек-творец является никем иным, как п о м о щ н и к о м Б о г а.

Евразийство — само движение и ценит движение. Но оно не согласно в движении, переходящем в суету, видеть какой-то конечный идеал. Оно понимает, что мир, по своему несовершенству, обречен на движение. Евразийство чутко прислушивается к законам движения и стремится полностью использовать их. Но из бездны движения оно чует и слышит тот мир «неподвижной активности», в котором благодатно снято и преодолено тяготеющее над нами несовершенство.

Евразийцы — все в практике. Но «практическая практика» для них только ступень и путь к конечному освобождению и спасению.

Так сочетают они предельное напряжение в делах мира сего, тех делах, значение которых в последние столетия с особенной силой выразил Запад, — с сохранением живыми и мощными непреходящих ценностей Восточного Духа.

Таким путем подготовляют они грядущий — е в р а з и й с к и й — исторический синтез.

Можно было бы и еще далее продолжить эти параллели, но и сказанного, думаем мы, достаточно, чтобы утвердить мысль, высказанную еще в одном из первых евразийских изданий: «Мы — метафизичны и в то же время этнографичны, географичны». К нам неприменимо то наименование, которым граф Кайзерлинг окрестил коммунизм, фашизм и расизм. Мы — не «теллуричны» или вернее мы более чем теллуричны. Мы стоим за «пронизывание эмпирии духовной сущностью», за «воплощение веры в конкретно жизненное исповедничество и делание».

Н. Н. Алексеев.

ОБ ИДЕЕ-ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА.

I.

Одною из основ евразийства является утверждение, что демократический строй современности должен смениться строем идеократическим. Под демократией разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку популярности в известных кругах населения, при чем основными формами отбора являются в плане политическом — избирательная кампания, в плане экономическом — конкуренция. Под идеократией же разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице. Демократическое государство, не имея своих собственных убеждений (т. к. правящий слой ее состоит из людей разных партий), не может само руководить культурой и хозяйственной жизнью населения, а, потому, старается как можно меньше вмешиваться в эту жизнь («свобода торговли», «свобода печати», «свобода искусства» и т. д.), предоставляя руководство ею безответственным факторам (частному капиталу и прессе). Наоборот, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну единственную государственно идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких либо неподчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов, — прежде всего, частного капитала, в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и, потому, неизбежно является до известной степени социалистическим.

II.

Возникает вопрос: Всякая ли идея может стать идеей правительницей, и, если нет, то каким требованиям должна отвечать идея правительница подлинного идеократического государства? На этот вопрос в евразийской литературе до сих пор не было дано вполне ясного и исчерпывающего ответа.

Селекционным признаком идеократического отбора должно быть не только общее мировоззрение, но и готовность принести себя в жертву идее правительнице. Этот элемент жертвенности, постоянной мобилизованности, тяжелой нагрузки, связанной с принадлежностью к правящему отбору, необходим для уравновешения тех привилегий, которые неизбежно тоже связаны с этой принадлежностью. В глазах своих сограждан члены правящего отбора должны иметь моральный престиж. Известный моральный престиж принадлежит правящему отбору и при всяком другом строе, но при идеократическом строе он особенно силен, именно в виду того, что готовность жертвовать собой ради идеи правительницы здесь является одним из основных селекционных признаков правящего слоя. Отсюда следует, что идея-правительница должна быть такова, чтобы во-первых ради нее сто́ило жертвовать собой, и во-вторых, чтобы жертва ради нее расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок.

Т. к. всякий эгоизм и всякое своекорыстие всегда расцениваются как безнравственные или, в лучшем слу-

чае, нравственно невысокие установки, то ясно, что эгоизм и своекорыстие не могут лежать в основе идеи-правительницы. Но по существу дело не меняется и при том или ином виде «расширенного» эгоизма или своекорыстия: желаю ли я благополучия и наживы только себе, или не только себе, но и моей семье или моим товарищам по хозяйству, — эгоизм остается эгоизмом, и своекорыстие — своекорыстием, а моральной ценности тут нет. Принесение в жертву моего личного эгоизма ради эгоизма биологической или социальной группы, к которой я лично принадлежу, либо бессмысленно, либо животно-низменно: так поступают животные. Человек на известной степени развития не может считать такого рода жертвенность морально ценной. Он считает ценной лишь жертву во имя какого-то «общего дела», т. е. жертву, оправдываемую благом целого, а не какой либо его части, к которой принадлежит пожертвовавший собой.

Что же является тем целым, ради блага которого можно жертвовать собой так, чтобы эта жертва была морально ценной? Ясно прежде всего, что класс таким целым быть не может, ибо по самому своему определению класс есть всегда только часть целого; при том, поскольку принадлежность к известному классу определяется общностью материальных интересов, всякая деятельность, направленная в пользу своего класса в ущерб другим классам, основана на расширенном своекорыстии. Но, с другой стороны, народ также не может рассматриваться как целое в вышеупомянутом смысле слова. Народ есть этнологическая, а следовательно в конечном счете биологическая особь. Различие между народом и семьей — не в принципе, а только в степени. И если забота только о своей семье в ущерб всем другим людям расценивается как безнравственный расширенный эгоизм, то точно так же должна расцениваться служба, (хотя бы и самоотверженная) интересам одного лишь своего народа в ущерб всем прочим народам.

Итак, ни благо определенного класса, ни благо определенного народа не могут служить содержанием идеи

правительницы идеократического государства. И если современные идеократии избирают себе идеями правительницами классовую диктатуру или национализм, — то происходит это потому, что в этих государствах имеется лишь внешняя форма, но не внутреннее содержание подлинной идеократии, и что, вследствие этого, они это внутреннее содержание вынуждены заменять идеологиями, уместными при другом строе, именно при строе демократическом. В самом деле, при демократическом строе с его установкой на индивидуализм, на борьбу эгоизмов во внутренней и во внешней политике, лозунги «всё для моего класса» и «всё для моего народа» вполне уместны. При идеократическом же строе такие лозунги являются анахронизмами. Попытки их «обоснования» наивны и обречены на неудачу. Доказать, что тот или иной народ, та или иная раса лучше других, — невозможно. Но также нелепы и доказательства преимущества пролетариата над другими классами, — особенно, когда добрая половина людей, настаивающих на этом преимуществе, сами не принадлежат к пролетариату. Даже если бы пролетариат действительно был носителем идеи социализма, это еще ровно ничего не доказывало бы, ибо социализм сам по себе не есть ни абсолютное благо, ни содержание или задача идеократии, а только логическое следствие идеократии.

III.

Но если ни класс, ни народ не являются тем целым, ради которого можно призывать жертвовать собой, то о «человечестве» приходится сказать тоже самое. Всякое существо познается в своем противопоставлении другим существам того же порядка. Класс имеет определенное очертание, определенную индивидуальность, поскольку он противупоставлен другим классам, народ — поскольку он противупоставлен другим народам. Че-

му же противупоставлено человечество? Неужели другим видам млекопитающих? Но, в таком случае, это есть зоологическая единица, ради которой жертвовать собой можно лишь в порядке «сохранения вида», — т. е. в порядке рудиментарного, животного инстинкта, а не морального долга. Если же человечество ничему не противупоставлено, то оно не имеет основных признаков живой личности, не имеет индивидуального бытия и никак не может служить стимулом морального поведения.

Итак: ни класс, ни народ, ни человечество. Но между черезчур конкретным народом и черезчур отвлеченным человечеством лежит понятие «особого мира». Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства, — вот то целое, которое отвечает вышеуказанному требованию. Это не есть биологическая единица, потому что целое это многоплеменно и связь между его членами — не антропологическая. Забота о благе этого целого не есть расширенное своекорыстие, — ибо, поскольку данное месторазвитие автаркично, благо всех населяющих его народов не наносит ущерба никаким другим человеческим коллективам. А в то же время такое целое не есть расплывчатая, безличная масса, подобная «человечеству». Оно наделено признаком индивидуального бытия, будучи субъектом истории. Служение благу такого «конкретного человечества» особого мира предполагает подавление не только личных эгоизмов, но и эгоизмов классовых и национальных, — и не только эгоизмов, но и всякого рода эгоцентрических самопревознесений. Но, в тоже время, оно не только не исключает, а наоборот утверждает поддержку своеобразия каждого отдельного народа, поскольку такое своеобразие не является началом разрушительным. Живое ощущение своей принадлежности к многонародному целому должно включать в себя и ощущение принадлежности

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград 1982 ИК

к определенному народу, сознаваемому, как член многонародного целого. В тоже время, готовность жертвовать своими личными или семейными интересами во имя интересов целого, предполагающая ценение социальных связей выше биологических, неминуемо влечет за собой аналогичное отношение и к своему народу: то, что связывает данный народ с другими обитателями данного месторазвития, оценивается выше того, что связывает тот же народ с его «братьями» по крови или по языку, непринадлежащими к данному месторазвитию (примат духовного, культурного родства и общности судьбы над родством биологическим).

IV.

Таким образом, идеей правительницей подлинно-идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир. Из этого следует, что территория подлинно-идеократического государства непременно должна совпадать с каким-нибудь автаркическим особым миром. К тому же следствию приводит и связанное с понятием идеократии требование планового хозяйства и государственной регулировки культуры и цивилизации, т. к. требования эти успешно могут быть выполнены только при условии автаркии идеократического государства. Наконец, только при том же условии государство может обеспечить себя от вмешательства иностранного капитала.

Итак, с разных точек зрения идеократическому государству необходима автаркия. Из этого, однако, вовсе не следует, чтобы всякое автаркическое государство могло стать идеократией в истинном смысле этого слова. Колониальная империя, разные части которой населены народами, неимеющими друг с другом ничего общего, кроме факта своего порабощения правящим народом, может быть вполне самодовлеющей в хозяй-

ственном отношении, но идеократией она стать не может, ибо одной экономической связи между ее частями для создания идеи-правительницы недостаточно. Для этого необходимы живо ощущаемая общность культурных и исторических традиций, непрерывность месторазвития, и, прежде всего, отсутствие чувства национального неравенства, — чего в колониальной империи достигнуть невозможно.

V.

Из предыдущего явствует, что не всякое государство может стать идеократией. А так как водворение идеократического строя во всем мире неизбежно, то в ближайшем будущем предстоит перекройка карты земного шара. Не меньшие сдвиги предстоят и в области психологии, идеологии и самосознания народов земного шара. Современный коллективизм останавливается, так сказать, на полпути: человек сознает себя рядовым членом органического коллектива, — класса или народа, — но к самому этому коллективу относится так, как последовательный индивидуалист к своей собственной личности. Между тем, при идеократическом строе должны будут исчезнуть эти последние остатки индивидуализма, и человек будет сознавать не только самого себя, но и свой класс и свой народ, как выполняющую определенную функцию часть органического целого, объединенного в государство. При этом следует подчеркнуть, что все это должно быть не только теоретически принято, но глубоко осознано и заложено в психику человека грядущей идеократической эпохи.

Современные идеократические государства еще очень далеки от подлинной идеократии. СССР несколько ближе к цели только потому, что территория его представляет собою потенциально-автаркический особый мир, населенный разными, неродственными, но связанными общей исторической судьбой народами. Однако,

если принять во внимание, что правящий отбор СССР упорно принимает следствие идеократии (социализм) за ее содержание, что путем воспитания, прессы, лженауки и литературы широким слоям населения СССР систематически прививаются превратные представления о сущности переживаемого исторического периода, и, наконец, что значительная часть невеликорусской интеллигенции СССР заражена узко-националистическими сепаратистскими стремлениями, — то станет ясно, что СССР еще очень не скоро и, м. б. только ценой очень тяжелых испытаний дойдет до подлинной идеократии.

Что же касается до европейских идеократических государств, то им до подлинной идеократии еще дальше. В настоящей стадии своего развития они увлечены частно-народным зоологическим национализмом и борятся против сознания общности европейской культуры. Парадоксально, что «панъевропеизм», который один мог бы стать идеей правительницей европейской идеократии (ибо ни одна европейская страна в отдельности не может претендовать на автаркию), в настоящее время является идеологией либерализма и демократии, т. е. злейших противников идеократии. Если же прибавить ко всему этому, что данная выше формулировка идеи-правительницы подлинно-идеократического государства не мирится с колониальным империализмом, от которого однако именно современные европейские идеократические («фашистские») течения никак отказаться не могут *), — то станет ясно, что Европа к подлинной идеократии может притти лишь после кровавых и глубоких потрясений.

---

*) Впрочем, панъевропеисты еще менее хотят отказаться от колониального империализма. На карте «Панъевропы», начертанной Куденгове-Калерджи, собственно-Европа составляет лишь ничтожную часть, а львиную долю составляет западная и северозападная часть Африки (итальянские, испанские, португальские, бельгийские и, особенно, французские колонии), а, кроме того, к той же «Панъевропе» он относит и голландские и французские колонии в Азии.

И все же, несмотря на перспективу этих потрясений, неизбежных при всяком переходе от одного социально-политического строя к другому, существование современных идеократических государств (хотя бы и с превратными идеями-правительницами) не является бессмысленным. Накопляемый правящим слоем этих государств политический опыт, создающиеся там формы быта и социальнополитической жизни, — все это пригодится в будущей, подлинной идеократии, а м. б. облегчит и перенесение тех родовых мук, которыми будет сопровождаться рождение этой подлинной идеократии.

Кн. Н. С. Трубецкой.

ИДЕТ ЛИ МИР К ИДЕОКРАТИИ?

От Редакции.

В журнале «Евразийские тетради» (1934, № 2-3) была предпринята среди евразийцев анкета на обозначенную выше тему. Анкета эта возбудила значительный интерес в евразийской среде, и небольшой тираж упомянутого выпуска «ЕА тетрадей» разошелся полностью. Ряд ответов на этот вопрос пришел уже после завершения номера «ЕА тетрадей». Мы помещаем их здесь, полагая, что они представят интерес и для читателей «Евразийской хроники». Ответы эти понятны сами по себе, без связи с ранее напечатанными — тем более, что ответ Н. Н. Алексеева в известном смысле подъитоживает их все. Его «эйдократия», как и изображаемый А. А. Шликевичем «процесс центростремительного уплотнения» отдельных стран мира «вокруг некоей метафизической оси» — так же, как и потрясающая картина американских условий, даваемая Я. А. Бромбергом, будут, думается нам, внятны для каждого, кто прислушивается к голосу современности. Не только Евразия, но также Европа и Америка (а вместе с ними и другие континенты) стоят в настоящий момент под знаком нужды в идеократии, как новой форме политического устройства. Но именно Россия-Евразия принесла к настоящему времени наибольшее количество жертв ради осуществления ее в жизни. Эти усилия

далеко еще не привели к нахождению гармонических и законченных форм. Но евразийцы уверены, что жертвы эти принесены не зря; и что никому иному, как России-Евразии, будет дано явить миру образцы совершенной идеократии. И это для них — не только предмет теоретического предвиденья, но и практическая цель волевых усилий.

Н. Н. Алексеев:

Я нахожусь в преимущественном положении по сравнению с другими участниками предпринятой «Евразийскими тетрадями» анкеты. Передо мною лежит уже ряд продуманных ответов на поставленный вопрос и возможность считаться с ними значительно упрощает мою задачу.

Интересны прежде всего те различия в мнениях отдельных участников анкеты, которые уже были отмечены редакцией. Оказывается, что по поставленному вопросу среди евразийцев имеются оптимисты и пессимисты. Но я отметил бы и другое обстоятельство, по моему мнению, еще более принципиальное. В анкете обнаружилось несомненное уточнение самого понятия «идеократии»: оказалось, что существуют идеократии истинные и идеократии ложные — «псевдо-идеократии», «упрощенные идеократии». Пессимисты наши думают, что до истинной идеократии еще далеко, наступления или приближения ее еще не видно, то же, что в настоящее время нарождается, под названием или под видом идеократии, суть политические образования далеко не идеальные. Это в лучшем случае некоторые «рудиментарные идеократии», в худшем — страшные и довольно отвратительные чудовища.

Я думаю, что различие это довольно важно. Оно и ранее намечалось в нашей среде, но не так выразительно. Помню, говорилось даже о том, что следует истинную идеократию называть «эйдократией» (от греческого слова «эйдос», которое в смысле платонизма означает «образец», «прототип», не только фактический, но и идеальный, нравственный). Эйдократическое государство в этом значении равносильно государству «образцовому», «совершенному» «идеалу государства».

Повидимому, с точки зрения «эйдократии» правы наши пессимисты. По правде говоря, нигде не видно, чтобы мир шел к установлению «образцового» государства, напротив, в современном мире наблюдается несомненное одичание форм политического властвования. Но в то же время наблюдается и другое явление, никогда не имевшее места в такой степени: наблюдается организация широчайших народных масс и участие их в жизни государств. И, наконец, становится все более и более ясным, что эти огромные массы должны быть руководимы в гораздо большей степени и другими методами, чем в эпоху парламентарного демократизма.

Названные явления влияют в двух направлениях на наших современников. Некоторые из них, видя варваризацию форм властвования, приходят в отчаяние и ужас, становятся ярыми антиэтатистами. А так как либерально-анархические идеалы ныне выветрились, то названный антиэтатизм приобретает характер пессимизма, культа одиночества (напр., у Бердяева, Федотова и др.). И в то же время у других с особой интенсивностью нарождается сознание, что эпоха наша требует не только организации масс, но и организации ведущего меньшинства, особых требований к этому меньшинству, особого повышенного его уровня. Как это ни странно, но вновь оживает идея правления мудрецов, царства философов и ученых (граф Кайзерлинг, Бертран Рессель, идея технократии и т. п.).

Я попытаюсь в двух словах формулировать политическую идею «эйдократии», как я ее понимаю. Я считаю, что государство эйдократическое предполагает:

1) что в среде ведущего меньшинства вырабатывается и устанавливается религиозно-философское «миросозерцание большого стиля», основанное на глубоких

исторических и традиционных началах евразийской культуры, как культуры, в которой «свет Востока» соединен с западным «просвещением»;

2) что это ведущее меньшинство способно создать на почве этого миросозерцания крепкую организацию типа религиозно-философского ордена, вхождение в которую обусловлено не простым «партийным» стажем, но и особо квалифицированным стажем моральным;

3) что это ведущее меньшинство способно съорганизовать широкий демотический правящий отбор, подобный тому, как мы видим у фашистов, национал-социалистов, коммунистов;

4) что этот правящий отбор способен съорганизовать широкие народные массы, не путем насильственной диктатуры, но путем привития им вкуса к истинно демотическим учреждениям, путем вовлечения их в государственную жизнь и культивирования чувств жертвенности и служения;

5) что в смысле социологическом эйдократическое государство должно быть построено на гармоническом равновесии сил общественных и сил личных. Другими словами, это не будет «тоталитарное государство» в смысле коммунистическом и в то же время не будет демократическим государством в смысле либерализма;

6) в смысле экономическом государство это будет практиковать государственно-частную систему организованного хозяйства;

7) государство это будет «правовым» в смысле гармонического сочетания между «правомочиями» и обязанностями, между свободой и долгом.

Ни одно из послевоенных политических образований не соответствует этому идеалу, хотя в фашистских образованиях и наблюдается нарождение некоторых из упомянутых, свойственных этому идеалу, черт. Я верю, что его призвана реализовать Евразийская культура.

Я. А. Бромберг:

I.

Возникающие ныне всюду демократоборческие движения столь многочисленны и разнообразны, даже противоположны по духу и устремлениям, что понятие идеократии, которое мы покамест в состоянии вынести за скобку путем затруднительной логической операции, есть бесплотная и бесформенная абстрактность. Надо подождать, пока не обозначатся новые пути, пока не будут поставлены и разрешены новые задачи. Тогда, без сомнения, обрисуются новые положительные единства тенденций, путей, средств и даже, может быть, некая гармония целей. Покамест же попытаемся высказать некоторые из бесчисленного множества отрицательных соображений, толкающих современность на новые пути.

Мир устал от разброда культурных областей, от чрезмерно ремесленной специализации в области науки, от дурной бесконечности технического прогресса, от множества быстро сменяющих друг друга научных, исторических, политических теорий; от бесплодной и разрушительной классовой борьбы; от игры эгоизмов балканизованных племен, мечтающих, но не смеющих броситься друг на друга и драться до изнеможения; от циничного хозяйничанья множества мелких партий, точнее личных клик, объединенных сообщничеством в бесчисленных шантажах и казнокрадствах; от разлагающего влияния вездесущего финансового капитала, от безумного биржевого ажиотажа, вовлекшего всех в свои грязные сети, подтачивающего самое понятие собственности — отрывом и отчуждением собственника от собственности, с одной стороны, а с другой — разжижением самого понятия о вещах и экономических полезностях и потоплением их в море дутых ценностей и несуществующих объектов. Но мир устал также от крикливых посулов канатных плясунов коммунизма и соци-

ализма, зазывающих зрителей в душные балаганы социальной утопии.

Кстати о социализме: в известном смысле он может как будто похвастать крупными, даже небывалыми успехами. Его проповедь освобождения труда от капитала сейчас является азбукой для стомиллионных масс. Но зато для социалистов политические выводы, сделанные массами из их проповеди, оказываются убийственными и истребительными. Второстепенные или даже вредные с точки зрения социализма вещи — политическая особность национальных личностей, воля к победе в беспощадной борьбе народов за владения, пространства, богатства земные — ныне не отвержены, а, наоборот, поставлены во главу угла народами, схватившимися за топоры с искренней жаждой покончить с экономической эксплуатацией и добыть для всех право на труд и хлеб. Идея, как будто, на пути к посильному в современных условиях осуществлению, но руководят им чужие, новые люди; люди, по мироощущению, интересам и, главное, стилю, совсем не подходящие к идеалу «светлой личности» по Чернышевскому и Бебелю. Люди же, подготовившие все это десятилетиями упорной работы не только не пожали никаких плодов, но их еще держат бережно в тюрьмах и концентрационных лагерях или изгоняют в эмиграцию. Кончилась обеспеченная жизнь (иногда недурная жизнь) на партийные средства для вожаков, идеологов и толкователей партийных коранов и они возопили громким голосом. Сик вос, нон вобис!

Народы, без сомнения, приближаются к строю, отвергающему строение власти на основе преобладания некоторых групповых, корыстных интересов за дымовой завесой теоретического уравнительства; к строю воплощающему водительство нации активным отбором, руководящимся в своей деятельности стремлениями идеалистического содержания (устранение бесконтрольной эксплуатации, объединение живых сил нации в упряжке положительного общего дела, духовная и нравственная дисциплина, рост значения государства и

приближение его к пониманию и заинтересованности масс). Но наряду с этим все яснее обнаруживается преобладающее значение внешне-политической установки для всякого данного единства, в особенности для национально-государственного, по отношению к которой внутренние отношения играют роль подчиненную и служебную. Раньше мы мыслили в классах, сословиях, правах, свободах, привилегиях, бюджетных статьях, «народных копейках» и т. п. Сейчас же — в государствах, континентах, коалициях, цифрах населения и вооруженных сил и т. д. Всякий шаг по пути освобождения от контроля парламентских клик, от косности, неповоротливости и некомпетентности народных представительств означает большую легкость движений и поступи, больше шансов на успех в небывалой борьбе национальных властолюбий и территориальных аппетитов. Отсюда заинтересованность всякого молодого строя в сохранении старого строя у соседей.

Итак, можно сказать, избегая черезчур формальных обобщений, что народы ныне, каждый своим путем, в зависимости от своих исторических традиций, геополитического положения и условий момента, явно устают от тяжеловесных, прогнивших парламентско-народоправческих форм и подчиняются водительству волевых групп новых людей, берущих на себя ответственность прежде всего за международно-политическое будущее данной нации.

II.

Можно ли серьезно говорить о движении в сторону идеократии в стране, где я живу? — В Соединенных Штатах плутократический режим обходится без многих фиговых листков, которыми он прикрывается в Европе. Нигде зависимость массы от капитала не принимает таких угодливо раболепных форм, как в С. Ш. Счастливец, использовавший до конца свой «шанс» т. е. свою бессовестность, жестокость и удачливость для лич-

ного обогащения является здесь прежде всего предметом поклонения и примером для подражания, а отнюдь не объектом социального протеста. На сем камне воздвигнуто капище мамоны — в сердцах самих ограбленных и неудачников, и никакая агитация «сознательных» пролетариев его не поколеблет. И деловая жизнь, и школа, и зрелища, и в первую очередь дешевая печать с ее миллионными тиражами ведут изо дня в день упорную, кротовую работу по оглуплению массы, погружая ее в злостное невежество и, прежде и паче всего, сознательно и планомерно разжигая в ней уголовные инстинкты — влечение к убийствам, похищениям, изнасилованиям и т. д. Успехи в этом отношении достигнуты уже громадные. Уже, можно сказать, совершенно выполнена задача вытравить из масс элементарное чувство негодования по отношению к преступнику — шантажисту, похитителю, убийце и т. д. — и заменить его чисто спортивно-состязательным любопытством к борьбе ловкого, популярного вора или убийцы против старых, скучных судейских крыс с их допотопными, хаотическими, не кодифицированными законами. Многое, впрочем, в этих законах весьма современного происхождения (в роде стерилизации или казни синильным газом) и тоже придумано для разжигания человекоистребительных инстинктов. — Над сценой этой борьбы маячит зловещая, но популярная тень электрического стула: он исполняет роль цирковых зверей поздней эпохи классической древности. На него взойдет, проиграв битву, убийца или насильник, об этом событии будет объявлено огромными буквами на первой странице миллионов газетных экземпляров и о нем несколько дней будут толковать дети в школах и дамы в салонах. На смену придет известие о крупном и злостном банкротстве, о поимке беглого каторжника, о пожаре в какой-нибудь жилой казарме с десятками заживо изжаренных, об очередном расстреле нескольких десятков интеллигентов в Сов. России, о шестом скандальном разводе кинематографической звезды и о миллионе других вещей, под шумок которых обделывают свои

делишки партийные политики. Еще, кстати, одно достижение демократии: слово «политик» — «политишэн» в Америке уже вполне, без оговорок и околичностей равнозначуще словам «темная личность», «мошенник», «паразит» и т. п. Один, и далеко еще не самый худший результат такого положения тот, что, напр., среди 10 милл. населения «Бо́льшего Нью-Йорка» нельзя найти 10 человек, которым можно доверить городские деньги. Конечно, обыватель, особенно «стопроцентный» американец с остатками былой пуританской закваски уже давно спрашивает себя с горестным недоумением, как долго все это еще будет продолжаться. Но оформить эти недоумения и выразить их в политическом действии просто некому. Нет здесь, прежде всего, кадра идеалистической молодежи, нет независимого, культурного и устойчивого среднего сословия (есть только раболепная толпа слуг крупного капитала, живущих под вечной угрозой быть съеденными в безостановочном процессе централизации и рационализации), нет многочисленной, спаянной традициями и славными традициями армии (здешние общества ветеранов войн являются, прежде всего, организациями борьбы за законные государственные пенсии против циничного обирательства со стороны акул партийной политики), нет опытной, компетентной бюрократии (даже самой важной в наше время части ее — дипломатического корпуса). — Несколько особое положение создается в связи с затянувшейся на целые годы безработицей для десятков миллионов (с семействами) людей. Может быть, здесь таятся известные опасности для существующего порядка. Америка отреклась от европейской и классической культурно-исторической традиции, от искания духовных ценностей и культурного идеала — ради благ мира сего, ради разрешения проблемы человеческой нужды, победы над библейским проклятием земной скудости. Голый человек на голой земле начал гигантское строительство, достигнуты были гигантские успехи и поставлены фантастические цифровые рекорды. И вдруг все в один пре-

красный день оказалось сатанинским маревом. Библейское проклятие предстало опять в формах какой-то жуткой мороки, опрокидывающей все законы самонадеянного разума. Десятки тысяч людей без крова — при множестве пустующих, обесцененных домов. Сотни тысяч голодающих — вследствие преизбытка хлеба и плодов земных. Миллионы нуждающихся в самом необходимом — вследствие совершенства техники и сказочной быстроты производства.

В американских условиях социальная революция, если бы она произошла, наверное, значительно превзошла бы русскую кровопролитием и нагромождением ужасов. Но, по нашему убеждению, ее здесь не будет. Чтобы дать простор инстинктам уголовщины, в виде революции, нужен сначала жертвенный порыв беззаветных идеалистов. Так это было в России. Американский же строй своевременно превратил всю активную часть населения в виртуальных преступников-индивидуалистов. (Малочисленная кучка евреев-агитаторов коммунизма не идет в счет: в ее шумной деятельности не без основания усматривается действие расово-самовозвеличительных инстинктов и в ней тоже сильно представлен виртуально-уголовный элемент). — Остается, таким образом, прекрасный шанс для властолюбца, который дал бы (или хотя только положительно обещал) всем минимум хлеба. Но, конечно, не президент Рузвельт этот человек завтрашнего дня. Громоздкая система его Н.Р.А. сложна и непонятна не только для масс, а главное, по своему стилю (умеренности, сдержанности и доле здравого пессимизма в прогнозах и обещаниях) идет в разрез с традиционной политикой оглупления, опрощения и криминализации масс. Доверие страны к Рузвельту держится на все еще огромных, но истощимых (даже явственно истощающихся) запасах традиционного, первобытного американского оптимизма. — Но если бы даже, положим, пришел другой, «настоящий» человек — насадил ли бы он идеократию? Скорее, наоборот, в его чуде насыщения толпы хлебами было бы наверное еще меньше идеократического содержания, чем, скажем, в русском коммунизме, имеющем за собою, как ни как, неукротимый пафос социальной справедливости.

Со всем тем мы бы не решились сказать, что идеократия, хотя бы в одном своем понятии, останется навсегда несовместимой с американизмом. Скажем более. Некоторый минимум идеократических инстинктов (если позволительно так выражаться) уже и сейчас можно проследить в том спасительном неписаном правиле, по которому профессиональные «политики» не пропускаются дальше определенных ступеней иерархической лестницы. Так, в президенты республики здесь может пройти талантливый диллетант (Теод. Рузвельт), несвоевременный оптимист (Хувер), дерзкий новатор (Франкл. Рузвельт), худосочный кабинетный идеолог (Вильсон), загадочный мужчина (Хардинг), незначительность прикрытая молчаливостью (Кулидж), даже идеалист-практик (Линкольн) и т. д. Но достоинство нации сравнительно редко подвергается поруганию ставленником политических жуликов. Для стока политических нечистот здесь поставлены клоаки на более низком уровне: городские самоуправления и связанные с ними бесчисленные штатные должности и синекуры, из-за которых совершенно открыто ведется торг; суд и полиция, безнадежно скомпрометированные тесной деловой связью с уголовным миром; в значительной степени администрация штатов и графств.

Мой общий вывод таков: здешняя плутократия основательнейшим образом разрушила самые понятия о нравственности в праве, об ответственности власти, о служении государству. Духовное опустошение и распыление, систематическое пестование уголовных инстинктов и умерщвление воли к высшей культуре при безостановочном «поумнении» масс, т. е. безоглядной установке индивидуума исключительно на расчет личной выгоды и удовольствий, зашли уже так далеко, что в пределах обозримого будущего нет шансов на изменение политической системы, как она ни опостылела очень многим.

Остаются непредвиденные случайности, в роде возможности нарождения в городах большого антиеврейского или антикатолического движения. Едва-ли оно привело бы сразу к ощутительным изменениям, но могло бы послужить трамплином для возникновения критического отношения к деятельности рыцарей политики и биржи. Главнейшим же образом надо иметь в виду возможность и даже вероятность войны с Японией, к которой Америка, в общем, не подготовлена ни военно-технически, ни морально. В этом случае в народе могли бы быть разбужены какие-то древние инстинкты национально-государственного самосохранения, и тяжелый кошмар засилья биржи и уголовщины мог бы хоть несколько рассеяться.

Нью-Йорк.

А. А. Шликевич:

Итак, где же то общее, то органически свойственное нашему времени, что́ мы могли бы принять, как характерную особенность, как основное для современного мира устремление политического и экономического характера? Нам кажется, что общее это заключается в процессе центростремительного уплотнения вокруг некоей метафизической оси. Характер этого уплотнения общ широкой среде, но ось вращения различна в зависимости от местных условий. В России это уплотнение происходит вокруг «коммунистической ячейки», долженствующей осуществить рай на земле. В Германии — вокруг статной фигуры белокурого сверх-человека. В Италии центром сплочения служат вызванные к жизни тени прошлого, а во Франции и Англии, где процесс этот наименее ярко выражен, центром сплочения является даже не идея, а культивируемый мещанско-обывательский страх растерять свои пожитки. Что касается Америки, т. е. С.А.С.Ш., то этот Левиафан капитализма, благодаря своей молодости, неискушенности и обилию жизненных соков, может сплотиться даже вокруг какой-нибудь самодельной игрушки, вроде «Синего Орла» Н.Р.А. С нашей точки зрения важна и показательна здесь не цель, не центр сплочения, а самый процесс. В этом процессе центростремительного движения намечается процесс кристализации отдельных индивидуумов мирового конгломерата. Процесс этот, кроме того, отличается от предшествующей эпохи направлением своего движения. Эпоху расцвета демократии можно охарактеризовать, как эпоху движения диаметрально противоположного, т. е. центробежного. Стремления и развитие демократического начала происходило всегда от центра к периферии, и расходящиеся круги, сплетаясь и смешиваясь, тяготели к установлению бесформенной, бесцветной и безжизненной «обезлички народов».

ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ХОЗЯЙСТВА.

1. *Соответствие между формой хозяйства и его социальным содержанием, в связи с образом правления.* Оставляя вне обозрения формы хозяйствования у степняков-номадов, признаем, что аристократия основных народов Евразии (а также Европы и Азии) возникла на основе крупного землевладения. Наши исторические аристократии были продуктом определенного типа хозяйствования, а именно такого, которое характеризовалось безусловным преобладанием труда на земле над всеми другими видами труда. Таким образом, аристократия есть, в сущности, «землекратия», как в смысле общехозяйственном, так и в трудовом. Как только промышленность вышла из детского, кустарного состояния, как только народонаселение отдельных государств (самочинно или под влиянием правительств) расширило сферу применения труда «вне земли» (промыслы, мануфактура и т. д.) — тотчас возникло соперничество между руководителями хозяйства на земле (аристократия) и вне земли (буржуазия) *). Очередным этапом становления хозяйственных форм явилась борьба «города» и «деревни»,

*) Последовательность в смене эпох в разных месторазвитиях была разною. Здесь мы отбираем типические формы трудопорядка, дающие перспективу дальнейшего развития хозяйства в Европе и Евразии.

борьба наступающего капитализма с неуспешно и косно сопротивляющейся аристократией. Догадливые вожди «горожан» отождествили свое дело с делом всенародным (делом демоса, народа) и выдвинули идею «демократии». В этой борьбе «города» и «деревни» победил город, одновременно: заменив в области политического управления старую аристократию земли — аристократией капитала и поставив «деревню» в служебное относительно себя положение. Для понимания дальнейшего необходимо учесть, что победа капиталистического города освобождала крестьян от власти земельных аристократов — во первых; и во вторых, косвенно, содействовала будущей организации антикапиталистических сил самого «города». Эта победа от начала заключала в себе два противоречия: противоречие между «верхами» и «низами» победившего «города»; и противоречие между городом в целом и деревней в целом. Искусным противопоставлением городского пролетариата — деревне (и наоборот) вождям демократии удавалось до времени сохранять основы того строя, который именуется обычно, капиталистическим... Но вот наступает русская революция. В соответствии с возникшим на Западе замыслом «социалистической» революции, она, в своем острейшем выражении (диктатура пролетариата), является ничем иным, как победой городских «низов» над городскими «верхами» (рабочие победили капиталистов). Однако, особенность победы русского пролетариата состояла (и состоит еще!) в том, что в ней поставлена проблема сочетания интересов городского пролетариата с интересами «земли» — крестьянства *).

Русская революция впервые ставит вопрос о сочетании труда на земле и вне земли, при том — об организованно-целесообразном их сочетании.

*) Дело идет именно о **постановке проблемы**, а не ее **разрешения**. Коммунистические решения этой проблемы кровавы и неудовлетворительны. Потому-то евразийство и перерешает их.

2. *План и его социальное содержание.* Совершенно ошибочно отождествлять плановое хозяйство с коммунистическим (или социалистическим) его содержанием. Говоря теоретически, всякое хозяйствование (на земле и вне земли, феодальное или капиталистическое) может быть (и, действительно, бывает) плановым. Момент планирования — чисто формальный. Особенности планового хозяйствования евразийского месторазвития заключаются в следующем:

а) *Историческая особенность* определяется традицией русского этатизма. Нынешним коммунистам приходится действовать в определенной исторической среде, воспитанной государственной инициативой в области хозяйства (Иван IV, Петр I, Александр II: — освобождение крестьян, напр., диктовалось нуждами государственно-экономического целого).

б) *Психологическая особенность* состоит в той черте психики евразийских народов (и, главным образом, ведущего, русского народа), которую правильнее всего назвать идеократической. Чтобы жить и трудиться во всей полноте, несомненности и благословенности, каждый русскій (и вообще евразиец) должен верить и знать — ради чего он трудится и живет. Момент целоположности, осмысленности и *оправданности* жизни и труда составляет самую интимную и *самую важную часть* в организации нашего *трудопорядка.* Предреволюционные государственные деятели выветрили эту возвышенную особенность из своих умов, за что их самих сдуло суровым ветром революции, которая хотя и развивалась безобразно-стихийно, однако, из недр своих, в безумстве и святости, вдохновлялась религиозной идеей. *)

3) *Индивидуализм, коллективизм, идеократия.* Старые политико-экономические доктрины, по общему правилу, выделяли хозяйственную деятельность государственного целого в отдельную область жизни; требовали изолированного изучения и упорядочения ее — в ее независимости от религии и морали. Кроме того, эти доктрины стояли на почве противопоставления личности — обществу; индивида — коллективу. Собственно говоря, обе эти черты могут быть сведены в одну: — арелигиозность, т. е. могут быть сведены к принципиальному отказу от планирования Общего Дела, в котором соединены усилия веры и труда, воли и интеллекта, каждого в отдельности и всех вместе. Но эта-то анти-теологичность, ведшая к раздроблению целостности общества и отдельного индивида, как раз и явилась первейшей причиной распада «старого мира».

*) Слова о безумстве и святости относятся ко всем враждующим в революции сторонам.

Государственно-частная система евразийства исходит из идеократического мировоззреия. Что это значит? — Это значит, во-первых, что евразийство указывает на неизбывную взаимозависимость целого и частей; всей государственной жизни вообще и политико-экономической деятельности, в частности; во-вторых евразийство развивает принципы сотрудничества коллектива и индивида; при чем такие принципы, которые, в своем осуществлении, обеспечивают максимальный хозяйственный эффект и преуспеяние всё тому же Целому. Для нас нет и не может быть противоречия между усилиями всех и каждого. Наоборот, исходя из целеположной идеи (Высшего Общего Блага), мы отводим место любой составной части единой системы. В третьих, мы наполняем план определенным (идеократическим) содержанием, применяясь к условиям времени и места.

4. *Идеократическое содержание плана хозяйства и реальные возможности его осуществления.* Мы уже сказали, что, быть может, главным, грехом предреволюционной жизни был разрыв между идеей и хозяйством. Когда человек (не кровососущий клоп, а *человек*) перестает верить в высшую осмысленность своего труда на земле, он или перестает трудиться и предается отчаянию; или бунтует, в поисках правильной веры. С точки зрения идеократической — в русской револю-

ции надо различать три стадии: стадию отрицательно-бунтарскую (гибель старого строя жизни); стадию победы коммунистической лже-идеи; и, наконец, стадию преображения коммунистической лже-идеократии в истинную идеократию (совершенную, т. е. религиозно-осмысленную). Мы находимся сейчас на подступах к третьей стадии; и само явление евразийства, с его учением о государственно-частной системе и идеократии, служит ярчайшим выражением наступления этой третьей стадии.

Имеются ли реальные признаки преображения коммунистического трудопорядка и если да, то в чем они состоят? Чтобы ответить на этот вопрос, надо спросить еще: был-ли исторически-реальный момент интегральной победы коммунизма? — Да, был. Был в эпоху т. наз. «военного коммунизма» (1919-1921). Всё, что́ было после того — расценивается нами, как постепенное, неуклонное, закономерное «переваривание» коммунистической лже-идеи евразийским месторазвитием (см. п. 2).

Интегральная победа коммунизма (1919-1921) завершила распад предреволюционной жизни; раз навсегда сломала и погребла противоречия между идеей и хозяйством; между частным (капитализмом, который преобладал) и общим (коллективизмом, т. е. государственнымъ хозяйством, которое уподоблялось «танцующей звезде» в руках капитала, своего и чужого). В этом — положительное значение Октября. Но что дальше? — дальше начинается трагедия борьбы коммунистической доктрины с особенностями месторазвития России-Евразии (как и обратно). *НЭП* 1922-27 годов показал, что, с одной стороны, людской массив нашей страны (особенно в психо-экономическом отношении) еще не расстался с привычками и навыками дореволюционного времени (породившими революцию); а с другой — неискренность коммунистической власти и непонимание ею истинных задач и целей идеократического государства. Тем не менее, со стороны *формальной НЭП* был правильной наметкой, направленной к разрешению проблемы построения государственно-частной системы хозяйства.

Сейчас (1933-34) говорят о «нормализации» жизни в СССР, о признаках прихода «нового *НЭП'а*». Надо, конечно, отдавать себе полный отчет в условности и растяжимости этих терминов-понятий. Дело не в терминах, а в тенденциях, заключенных в реальностях нынешнего СССР. Тенденции же эти таковы, что раньше или позже, с тою или иной мерой определительности — наступит время упорядочения жизни Союза; и упорядочение это, в области хозяйства, по новому перестроит, развяжет и организует хозяйственные силы Страны. Весь этот процесс предвосхищен проэктикой евразийской мысли. Да, необходима «нормализация» (в смысле правильной увязки исторического с революционным); необходим и «НЭП» (в смысле нахождения правильных начал соразмерного участия общества и личности в идеократическом Общем Деле). Но Союз и его население лишь тогда приблизятся к искомому решению «проклятых вопросов» этих, когда осознают, что чаемый трудопорядок не возможен без веры, без высшей телеологии. А вопрос обретения веры упирается уже не в «экономику», а в человеческое сердце. От этого «не отвертишься»!

— «*Хлеба и веры*-»... «и *ВЕРЫ*, хотя бы ценою новых видов рабства —будут скоро кричать все народы Европы» — писал К. Н. Леонтьев. Писал — добавим от себя — прозорливо и вдохновенно. Но Европе и в этом отношении должна указать путь — *Евразия*.

К. Чхеидзе.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДУХОВНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

(По поводу новой книги графа Германа фон Кайзерлинга «Мировая революция и ответственность Духа», Париж 1934).

Едва ли кто другой из современных философов имеет такую интернациональную популярность, как граф Кайзерлинг: его книги переведены на все европейские языки, его лекции, читанные в наиболее значительных центрах старого и нового света, собирали буквально тысячные аудитории. И этой международной популярности соответствует исключительно вселенская духовность графа Кайзерлинга. Выходец из старой России, он, по собственному признанию, является человеком германской расы и германских традиций. Евразийский мир не чужд ему по рождению, как другим европейцам. Восток привлекал его по философским симпатиям, и он чудесно описал его духовную жизнь в «Путевых заметках философа». По признанию многих, он дал одну из наиболее блестящих характеристик американизма, вынесенную из путешествия по Соединенным Штатам. Наконец, исключительное внимание привлекли его впечатления от Южно-Американской культуры, в которой ему удалось открыть доселе никем незамеченные черты и блики.

Кайзерлингу открыто многое, чего не видят и не чувствуют другие европейцы. По его признанию, выходца из России в Европе поражают прежде всего «малые измерения», отличающие наиболее высокие выражения европейской цивилизации. Европеец имеет склонность к малым величинам, что всего более чувствуется во французской жизни и что не скрыто от знатока жизни английской. Не велики были здания и древней античной культуры, прематери европейской. Колоссальность Рима начинается там, где античность становится колонией — и это как раз повторяется в Англии. Европейские соборы велики, но они кажутся скорее сошедшими на землю с неба, чем выросшими из культурной почвы Европы. Кайзерлинг объясняет эту особенность европеизма стремлением европейцев к точности, к постоянному прецизированию, словом, тем духом ясности и определенности, который особенно отличает французов и был гениально выражен у Декарта. Кайзерлинг говорит, что мы живем в эпоху великих измерений — и потому европейцу мало понятны современные события и катастрофы. Чем дальше в Европе на Запад, тем менее становятся понятными нынешние дела и дни. Всего более не понимают современного состояния мира французы. Немцы в особенности восточные, живущие на границах Евразии, обладают более широким духовным зрением и им доступны бóльшие горизонты.

Кайзерлингу ясна вся колоссальность свершающихся ныне в мире сдвигов. Ветер степей носится ныне над нашей планетой, и сладкие зефиры, которые со времени Феокрита были спутниками любовных романсов, составляют ныне редкую привилегию некоторых особо защищенных стран, подобных розовым садам посреди сурового восточного пейзажа. Судьба мира не лежит уже более в руках Европы. Руководит им уже не Париж и не Лондон, движущие центры его передвинулись на Восток, в Москву. Если с чем можно сравнить современную эпоху, то только с эпохой гибели античных культур и зарождения христианства. Это не простой кризис — экономический или даже моральный — это

конец одного исторического эона и начало другого, нового.

Кайзерлинг так определяет существо происходящих в мире событий: народились новые силы, которые можно назвать *теллурическими;* в них слышится голос двух новых элементов, двух новых чисто витальных стихий — *Земли и Крови.* Вот почему современная молодежь чужда интересам духа, витальна по своему внутреннему существу. Силы эти всегда были присущи человеку. Они являются определяющими для жизни более трех четвертей всего населения нашей планеты, ибо большинство людей витально и материалистично, а не духовно. Но силы эти были заглушены на Западе христианством и позднейшим рационализмом европейской культуры нового времени. На Востоке они были заглушены тысячелетия тому назад аскетическими религиями и всегда там находились на низшей ступени развития. Только античная, эллинская культура своеобразно развила эти силы и рафинировала их. Теперь они пробудились на всей нашей планете в сыром, почти варварском виде — если угодно, на Востоке еще более интенсивно, чем на Западе. Оттого и происходит мировое торжество материализма и тех учений, которые в экономике, в расе, в земле видят основные свои ценности.

Оригинальность отношения Кайзерлинга к этим теллурическим силам заключается в том, что он вовсе их целиком не отвергает. Ему чужды слезы старого поколения об ушедших навсегда светлых днях «интеллигентной» европейской культуры. Сама культура эта, сами ее носители, «интеллектюэли», не были слишком духовны, хотя и аппелировали всегда к духу. В пробуждении теллурических сил и витальных ценностей Кайзерлинг видит явление положительное. Новое поколение более *жизненно,* более *здорово,* и в некотором смысле более *чисто,* чем представители старой либеральной культуры. И кроме того новые теллурические стихии отнюдь не лишены элементов своеобразной духовности. Напротив, в них живут некоторые основные

духовные ценности: в них живет *Вера и Отвага,* которыми дышет и новая русская жизнь, и итальянский фашизм, и германский национал-социализм. *Вера и Отвага,* которых уже нет в отжившей западной буржуазной культуре.

Оттого бесплодно голое осуждение и голое отрицание теллурических сил. К ним должно быть выработано особое духовное отношение, существо которого является наиболее характерной чертой мышления Кайзерлинга. К вновь пробудившимся силам Кайзерлинг относится приблизительно так, как евразийство всегда относилось к Октябрьской Революции и Советской России. Кайзерлинг, разумеется, не евразиец, но со взглядами его полезно познакомиться для понимания того, что такое евразийство, как культурно-исторический метод. Кайзерлинг полагает, что первая духовная обязанность по отношению к новым явлениям жизни заключается в *повелительном стремлении их понять.* Большинство так называемых интеллигентов не сознают этого, чем объясняется их фиаско в глазах современной молодежи. Интеллигент очень редко ощущает моральную обязанность открыть свою душу новому жизненному опыту, не осуждая новых явлений жизни и не декретируя своих оценок. Это стремление понять жизнь нельзя истолковать в смысле обычной формулы: «всё понять — это всё простить». Дело идет не о пассивном прощении, но о чисто активном процессе. Дело идет о том, чтобы схватить смысл новых феноменов для того, чтобы вложить в них новое духовное содержание. Понять это значит не только адекватно отобразить и не только примириться, но *поднять ввысь, сублимировать.*

Другими словами, это можно выразить так: при *встрече с новыми явлениями жизни нужно делать ударение на положительные стороны каждой жизненной ситуации.* Эта норма является широким толкованием христианской концепции любви к ближнему, даже к своему врагу. Это не есть ни требование милости, ни требование благочестия, ни стремление обращать дру-

гих в свою веру, но, по словам Кайзерлинга, нечто гораздо более высокое: это есть стремление увидеть человеческое даже в нечеловеческом, понять все искривления человеческой природы из существа человека. И это есть единственный способ восстановить престиж человечности среди современных людей.

Кто истинно проникся этим духом, тот никогда не допустит себя до сомнительных компромиссов в телурическом плане. Он не будет стремиться ни к власти, ни к выгодам, ни обольщаться азартом борьбы. Он проявит творческое действие, осмысливая то, что не имеет смысла, внедряя ценности в то, что лишено их в собственном плане, или подставляя на место низших ценностей ценности высшие.

Так именно относились и относятся евразийцы к Советской России. Умы элементарные и пристрастные, отожествляли это отношение с «фактопоклонством», хотя в нем столь же мало поклонения фактическому, как в отношении понимающего к понимаемому, прощающего к прощаемому, бодрого сеятеля к духовно обрабатываемому полю. Люди слабые и малодушные перевертывали его в сторону компромиссов той или иной степени сомнительности: таково всякое «сменовеховство», начиная с «честного» и кончая просто «платным». Вынести истинно евразийскую линию есть дело трудное, и, думается, формулировки Кайзерлинга дают некоторое понятие о том, в чем эта линия состоит.

Но есть и существенная разница между установками евразийства и методами отношения к жизни Кайзерлинга. Евразийцам следует задуматься над этой разницей, особенно в теперешней стадии развития евразийства. По мнению Кайзерлинга, духовный план отношения к жизни идет совсем иными путями, чем план телурический. Чистый дух вообще живет вне интересов Земли и Крови. Духовное водительство ни на один момент не может сойти на уровень обуздания телурических сил. Кайзерлингу более чем кому либо понятно, что *массы требуют руководства* — и чем более они всколыхнулись, тем более им нужна дисциплина. Но

современные водители масс по типу своему суть «укротители» и «усмирители», подобные укротителям диких зверей, а не духовные вожди. Вся их власть покоится на гипнотическом воздействии, а не на апелляции к свободному убеждению. Всякая политика всегда лежит в телурическом плане и никогда не может иметь дела с планами духовными. Оттого Кайзерлинг и предлагает духовному человеку отказаться от участия в политике, в политической борьбе, в стремлении к власти. Дух прокладывает себе путь своими особыми средствами — и ими он завоевывал и завоюет мир. Для духовного плана телурические силы являются ничем иным, как «способом выражения» — как бы своеобразным алфавитом, к которому дух должен прибегнуть, чтобы *воплотиться в Слово и чтобы проявить Смысл*. Духовное действие сводится не к непосредственному вмешательству в политику, но к своеобразным актам, происходящим в духовном плане и отражающимся особыми путями в плане земном. Чтобы духовно воздействовать на земной план, нужно поместить себя в него, нужно научиться говорить его языком, усвоить его алфавит, нужно сделать последний орудием для выражения духовных интересов. Это все равно, как если бы мы принуждены были выражать свои мысли на чужом, новом языке. Каков бы он ни был, хорошего выражения мы достигнем, когда мысль будет предельно острой, резкой, даже односторонней в своей последовательности. Духовное дело сводится к тому, что можно назвать «поляризацией» с господствующими в данный момент направлениями жизни. Дух поступает наиболее антиномично; *он на языке времени призван утверждать то, что времени предельно противоположно*. Так он творит живую диалектику жизни, требующую принять тезис эпохи и в то же время формулировать то, что ему наиболее антитетично.

Примерно выражаясь, Кайзерлинг думает так: дух времени идет по линии огромных массовых движений — задача Духа не отрицать их, но в то же время с предельной силой выражать принцип духовного аристокра-

тизма; дух времени идет по линии коллективизма — приняв его, нужно с предельной силой выражать противоположный принцип духовной свободы; дух времени идет по линии национализма — нужно оттенить с предельной силой ценность всечеловечности. Так поступало христианство, которое наиболее резко противоставило себя всем общепринятым ценностям античной культуры. «Сим победиши»... Практически говоря, для современных рыцарей Духа дело идет в настоящий момент об образовании некоего вселенского общения, чего то вроде новых монастырей. Но в отличие от монастырей средневековых, общение это не должно культивировать отрешенного аскетизма, не призвано подчиниться раз установленным догматам и не должно иметь исключительно религиозного характера.

Евразийство наполнено было до сей поры преимущественно политическим пафосом, оттого аполитизм Кайзерлинга многим из нас придется не по душе. Но и нам приходилось иногда указывать, что евразийство по содержанию своему шире политики. Евразийство не исчезнет, если сойдет с политического плана, чего нельзя сказать про большинство других политических течений. И в этом смысле мы должны внимательно прислушаться к тому, что в этой связи сказано Кайзерлингом.

Кайзерлинг верит в образование такой будущей всечеловеческой интегральной культуры, которая, подобно античной, не откинет теллурического плана, но в то же время будет выше античной, так как наше понимание мира, наши знания, наш духовный уровень более высок, чем это было в древности. Кайзерлинг верит, что наша эпоха породит огромную жажду духовной свободы и что мир будет спасен Европой, носительницей идеалов свободы. Кайзерлинг — европейский мессианист — и это отделяет его от евразийства. Он не видит своеобразной миссии народов Евразии, специфического нашего положения в мировом плане. Новейшие западные революции, фашизм и национал-социализм, родились, как оборона против марксистского

коммунизма. И как «режим обороны», они построены на принципах «усиленной охраны», стало быть, деспотичны по природе. Как ни сильна деспотия советская, но по природе своей коммунизм есть учение об освобождении угнетенных. Советский деспотизм есть извращение, а не правило, режим определяющее. Как говорят марксисты — неизбежное зло «переходного периода»... Новая свобода, если она родится, то только в лесах и степях Евразии. Может быть, это предчувствует и Кайзерлинг, когда говорит в одном месте своей замечательной книги: «ближайший христианский Ренессанс — если он свершится — свершится без сомнения в России» (стр. 188).

Нас отделяет от Кайзерлинга его понимание свободы, которую он правда не отождествляет со «свободами демократическими», но в общем формулирует на подобие «Общения свободно волящих существ» в духе либеральных кантианцев. Нас отделяет *вера в силу организационной идеи*, отсутствие которой заставляет Кайзерлинга представлять современный «монастырь» на подобие клуба французских «либр-пансеров», скептических и ни во что не верящих. Но в общем — он нам близкий мыслитель, и мы со всей силой должны ощутить течение симпатических токов, соединяющих его искания с нашими.

Н. Н. Алексеев.

«ПОДЪЕМ» И «ДЕПРЕССИЯ» В ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ИСТОРИИ.

От автора.

В основе евразийских представлений о мире лежит идея *периодической системы сущего* *). Этим понятием евразийцы стремятся обозначить те черты *упорядоченности и ритма*, которыми пронизан весь предлежащий нам мир. История и природа с одинаковой выразительностью свидетельствуют об этом свойстве явлений. И даже чрез наиболее беспорядочные и наиболее хаотические (по внешности) стороны их проступают признаки *внутренней слаженности и неслучайной соотнесенности*. Периодической системе зон России-Евразии отвечает периодическая ритмика ее истории **). Печатаемый здесь этюд ставит своей задачей проследить эту ритмичность на конкретном материале древне-русской истории. Он имеет дело, по преимуществу, с внутренним самозаконным развитием *социальных* явлений. Расцвет организационной деятельности верхов и те удары, которые наносят этой деятельности никогда не перестающие действовать силы политического и экономического распада, — вот основная тема этой работы. От столкновения этих факторов и зависит то чередование

*) См. «Тридцатые годы», с. 134.

**) См. Г. В. Вернадский. Начертание русской истории, с. 15-16.

«подъемных» и «депрессионных» *) фаз, которое мы выявляем на этих страницах. В нем пульсирует сердце отличительной для данной эпохи *организационной идеи*. При этом, за силами разрушения и анархии, проявляющимися в любую эпоху (хотя и в особых в каждом случае формах), всегда скрывается, в конечном счете, н о в а я организационная идея, не совпадающая с господствующей и притязающая на то, чтобы ее собою заменить.

На подступах к раскрытию *периодической системы сущего* и *философии организационной идеи* и стремится занять свое скромное место печатаемая здесь работа **).

* * *

Только ли капиталистическому обществу и хозяйству свойственно то чередование фаз «процветания», с одной стороны, и фаз разорения и «обнищания», с другой — которое так ярко выражено в явлениях «торгово-промышленного цикла»? Таков был вопрос, поставленный автором этих строк в работе над материалом русской социально-экономической истории. В русской науке с достаточной полнотой прослежена история «подъемов» и «кризисов», начиная с середины 1850-х годов. Для более ранних эпох по этой части имеются лишь разрозненные и сравнительно немногочисленные указанья (частичную сводку их для XVI-XVII веков произвел в новейшее время Б. Д. Греков). Проработка материалов сразу же показала, что и для более отдален-

*) Стадии социально-экономического и шире — исторического процесса, по характеру своему п р о т и в о п о л о ж н ы е «подъемам», мы называем «д е п р е с с и о н н ы м и» фазами, считая термин «депрессивный» специально относящимся к понятиям не исторической, но м е д и ц и н с к о й науки.

**) Выражаю здесь мою сердечную признательность Р. О. Якобсону за ценные замечания, сделанные им при ознакомлении в рукописи с этой статьей.

ных эпох установима своеобразная ритмика социально-экономической жизни. Отдельные ее фазы могут быть с некоторым приближением сопоставлены с общеизвестными понятиями «подъема» и «депрессии». Однако, те п р и з н а к и, на основании которых устанавливается чередование этих фаз, не совпадают с теми, с которыми мы оперируем, имея дело с капиталистическим обществом. XVI-ый, XVII-ый, XVIII-ый в. дают огромное количество показаний, поддающихся систематизации с точки зрения последовательной смены повышений и понижений социально-экономической кривой. Но и более древние периоды не лишают нас такой возможности. Нужно только помнить, что каждая значительная эпоха требует в этом анализе с в о е г о о с о б о г о подбора признаков. Это не исключает приложимости *некоторых* признаков ко *многим* эпохам. Ниже мы устанавливаем тот подбор их, который выяснился при проработке социально-экономической истории Руси с конца X-го века по середину XIII-го (татарское нашествие). Мы стремились учесть данные разнообразных источников (как по южной Руси, позднейшей Украине, так и по Руси северной). Именно такой широтой охвата мы хотели посильно предотвратить с л у ч а й н о с т ь в подборе признаков.

Наше исследование рисует исторический процесс, как чередование периодов существенно различного характера. Одни из них отмечены усиленной деятельностью социальных верхов (состав их неодинаков в различные эпохи). Деятельность эта охватывает сферу политики, экономики, культуры. Другие периоды — это моменты ослабления такой деятельности, как-бы «кеносиса» ее. К этим периодам приурочены широкие народные бедствия. В их же пределах на социальную верхушку данного общества обрушиваются нередко удары, наносимые будь то внешней по отношению к нему силой, будь то в порядке внутренних смут и столкновений. Те признаки, которыми мы располагаем, идут именно по этим двум направлениям. С одной стороны — это повесть *о выявлениях энергии*. Уже и в древнейшие эпохи она

развертывается очень широким образом и в хозяйственной области. Но чем отдаленней от нас эпоха, тем чаще мы принуждены прибегать к показателям, не имеющим собственно экономического характера, тем обязательнее для нас *обще-социологическая*, а не только экономическая точка зрения. Мы настаиваем на *общесоциологической* значимости таких отделов, как история искусства (в частности, история строительства), история церкви и т. д. Но делается это не в предположении, что названные отрасли односторонне з а в и с я т от экономики, а в порядке прослеживания тех о р г а н и з а ц и о н н ы х идей, которые пронизывают все эти отрасли. Да, есть ближайшая связь между ходом политической, экономической, художественной, церковной истории. В этом смысле правы «монисты». Прослеживание ритмики социально-экономической жизни подчеркивает их правоту. Но связь эта определяется не вытеканием всех прочих отраслей из одной, но тем о б щ и м, что́ лежит в основе их всех. «Подъем» является, в этом плане, *напряженной реализацией организационной идеи*. Задача историка — установить, воссоздать конкретное ее содержание. «Депрессия» — это «провал» организационной идеи, время ее «истощания», ее распада. Организационные идеи действовали и в докапиталистическом строе. Уже и тогда они имели разнообразных своих носителей. Но *по содержанию* своему они отличались от тех устремлений, которые пронизывают, напр., капиталистическое общество (или, скажем, общество «строящегося социализма»—СССР). История есть не только арена реализации организационных идей, но и зрелище постепенной их *смены*.

*
* *

Один из наиболее ярких «подъемов» русской истории приурочен ко времени Владимира Святого или Великого (981-1015). Княжение его сыновей начинается с одной из резко выраженных «депрессий». С этого

времени и по XIII-ый век мы и ведём, в данном случае, наше рассмотрение. Количество *собственно экономических* признаков, находящихся в нашем распоряжении, не велико. Если существовал в ту эпоху на Руси какой-либо вид «капитализма», то лишь «торговый» (время «вотчинного» капитализма пришло позднее). *Упоминания о торговых предприятиях и торговой деятельности* (I) *) весьма показательны для древнерусских «подъемов». Некоторые из них имеют дело с начинаниями широкого размаха. Так, напр., в 1027 г. «купцы русские и польские совместно предпринимают торговые сношения с Сицилией» (И. П. Козловский). Это известие — принадлежность «Ярославова подъема», охватывающего конец 1020-х и все 1030-е годы. Но вообще говоря, признаков этого рода недостаточно для прослеживания русской социально-экономической кривой в эти отдаленные столетия. И нам приходится иметь дело и с такими «подъемами», которые вовсе не обозначены упоминаниями о торговых начинаниях этого рода. Еще более спорадичны указания на *создание крупных индивидуальных состояний* (II). Но и они вносят интересную черту в картину некоторых из древне-русских «подъемов». Так, напр., судьба скопца, любимца великого князя Изяслава Ярославича, сумевшего составить себе крупное состояние, а впоследствии ставшего киевским митрополитом, вносит колоритную подробность в характеристику «подъема Ярославичей» (1050-е — начало 1060-х годов). Такие примеры можно привести и для русских подъемов первой половины XIII в. Очень редки прямые упоминания *о процветании сельско-хозяйственных предприятий* (III). Да и в тех случаях, когда они имеются, они прикреплены обычно к моментам р а з г р о м а этих предприятий, т. е. к переходу от «процветания» к бедствиям. В таком порядке летописный рассказ о княжеских усобицах, на-

*) Каждую категорию «подъемных» признаков мы отмечаем особой римской цифрой. В дальнейшем эти цифры будут служить нам в качестве сокращенного обозначения соответствующей категории признаков.

чавшихся в Киевской Руси в 1146 г., сохранил нам известие о том расцвете, которого достигли княжеские хозяйства того времени в предшествовавший этим усобицам период; а также об огромных запасах хозяйственных благ, скопленных ими в этот период. Сообщения о *технических усовершенствованиях* (IV) не играют еще в эту эпоху той роли, которая присуща им в обрисовке экономических «расцветов», скажем, XV—XVII в.в. Впрочем, и для XII— XIII вв. мы могли бы привести несколько указаний этого рода. Переходим к категории фактов, несравненно более существенных, с точки зрения наших целей. Это — известия о *«градостроительстве», об основании и росте городов как явлений экономической жизни* (V). Без процессов этого порядка немыслим и в современности ни один сколько-либо крупный эпизод экономического строительства, ни одно воплощение большой «организационной идеи». Не иначе это было и в прошлом, хотя ф о р м ы основания и роста городов и были тогда существенно иными, чем в современности. О возникновении новых городских центров, рынков для сбыта местных сельско-хозяйственных продуктов — свидетельствуют, напр., для конца X-го века клады восточных монет, находимые в местах таких поселений. По этим кладам мы знаем о городах, возникавших в эту эпоху на путях с Западной Двины на Днепр, о городском поселении в районе нынешнего Минска (П. Г. Любомиров). В несколько более поздний период о фактах этого рода повествуют нам и письменные источники. В «Юрьево-Андреев подъем» (названный нами так по именам князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского), возродивший в 1150-х годах к новой исторической жизни тогдашнюю Ростовско-Суздальскую Русь (теперешнюю Московскую область), «градостроительство» шло с немалым размахом *). Без указания на основание в

*) «Юрьево-Андреев подъем» развернулся в порядке «местной конъюнктуры». На южную Русь его воздействие не распространялось.

1221 г. Нижнего Новгорода, городского центра в узле важнейших геополитических нитей (магистрали Оки и Волги) — нельзя воссоздать картину «подъема Всеволодичей» (приуроченного к княжениям сыновей Всеволода III суздальского). «Это было своего рода «основание Петербурга», говорит по этому поводу русский историк-марксист М. Н. Покровский. Менее отличительно для обстановки годов хозяйственного преуспевания *строительство городов чисто военного характера* (VI), городов-укреплений. К нему вынуждает военная угроза со стороны соседей, т. е. признак прямо «отрицательного» порядка. Но если строительство это производится с особенно большим размахом, с особой предусмотрительностью — оно также указывает на накопление в стране значительных материальных средств и творческой инициативы. В таком случае и это строительство переходит в разряд «подъемных» показателей. Таково было строительство пограничных укреплений (против степи) при Владимире Великом.

Середина и вторая половина XIX-го века прокладывала новые пути, главным образом, в виде постройки железных дорог. Эта последняя и составляла костяк промышленных «взлетов» минувшего столетия. Седая древность в свои экономические «взлеты» также *прокладывала новые пути* (VII). Но тогда это было нахождение новых водных дорог (по озерам и рекам) или расчистка новых грунтовых шляхов. Русская история доставляет исследователю великое множество примеров этого рода, неизменно относящихся к периодам общего экономического оживления. Некоторые из этих примеров принадлежат и домонгольским столетиям. А в экономическое «процветание» начала 1130-х годов («Мстиславов подъем») новгородский посадник Иванко Павлович начал даже «рыти реку сию» (Волгу), стремясь проложить удобный водный путь от Новгорода на юго-восток, в котором остро нуждалась тогда торговая метрополия русского севера.

Мы располагаем указанием на существование в древней Руси *рабочего движения* (VIII). Оно принадлежит

«Ярославову подъему». Забастовка строительных рабочих закончилась их победой, как то и соответствует обстановке строительного оживления, со свойственным ей превышением «спроса» на рабочие руки над «предложением» их.

Наиболее разительное упоминание о *колонизационной деятельности* (IX), вполне последовательно выражающей сущность «подъема», как взрыва организационной энергии, — связано в пределах рассматриваемых столетий с именем великого князя Андрея Боголюбского («Юрьево-Андреев подъем»). Согласно передаче русского историка XVIII-го ст. В. Н. Татищева, Андрей говорил своим боярам в начале 1160-х годов: «я всю Белую Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил».

От признаков эпизодических и частичных мы переходим к центральному пункту нашего изложения. Всякий подъем, именно как время усиленной экономической деятельности, как период напряженного воплощения в жизнь определенной «организационной идеи», есть эпоха «*ставки на сильных*» (X). Этими «сильными» может быть наследственная аристократия, или удачливые предприниматели, разного рода «нуво риш», или даже преуспевающие и энергичные работники колхозов и государственных предприятий — как это наблюдается в современном СССР — безразлично: каждый период «процветания» имеет своих «сильных» людей, которые и реализуют в нем свою энергию и свою волю к бытию. «Подъем» тем и отличается от «депрессии», что в его пределах социальное законодательство и общая социальная обстановка благоприятны как раз этим «сильным» — при чем, однако, в разные эпохи «сильные» люди типологически не одни и те же. Наоборот, «депрессия» есть время «уступок слабым», которые, впрочем, не спасают этих слабых от разнообразных бедствий и испытаний, свойственных «депрессионным» периодам. Скорее самые эти уступки вызываются тем, что бедствия, разорения и обнищание переходят чрез известную (особую для каждой эпохи)

меру. Впрочем, огромную роль в принуждении правящих к этим уступкам имеют и массовые социальные движения революционного типа. «Слабые» действуют тут своею массой. «Депрессия» — *это отрезок времени с тенденцией к социальным потрясениям.* Общественное сознание интенсивно реагирует на злоупотребления, неразрывно связанные со «ставкой на сильных» «подъемного периода». Продолжение их временно становится невозможным (пока всё не успокоится снова). «Организационная идея», осуществляемая «сильными», терпит ущерб. Но этот ущерб — временный, так как при накоплении экономических сил она снова берет свое. Такова «механика» исторического движения, осуществляемого в смене «подъемов» и «депрессий».

Как же действовала эта «механика» в пределах древне-русской истории? Эпоха Владимира Великого была временем заостренно выраженной «ставки на сильных». Никакой последующий момент не дал такого количества летописных указаний на организацию «правящего отбора» и на его объединение вокруг князя, как именно этот отрезок времени. Еще в начале правления Владимира преобладающая часть населения Руси — члены свободных племенных союзов. К концу его они — «смерды», зависимые от князя люди, социальный удельный вес которых ничтожен, по сравнению с удельным весом княжеских дружинников и горожан. Время Владимира — это время массового «осмерденья» населения. В «депрессии Владимиричей» (1015—1026), в тех потрясениях, которые следуют за смертью великого князя, мы можем прощупать элементы общественной реакции на новый порядок. «Русская Правда», законодательный кодекс, данный в 1016 г. Ярославом Владимиричем новгородцам, защищает жизнь всех свободных одною и тою же вирой (нивеллирующая тенденция «депрессии», противоположная дифференцирующей тенденции «подъема»). Но сделанного нельзя взять назад. Истории нельзя повернуть обратно. Положение «смерда» становится устойчивой категорией русского социального строя. Социальная

дифференциация снова в ходу в течение «подъема Ярославичей». «Правда Ярославичей», составленная в эти годы, защищает жизнь «княжих мужей» (в их отличии от других свободных) двойною вирой. Социальная реакция на «подъем Ярославичей» — это «киевская революция 1068 г.», с целым рядом подробностей, свидетельствующих о раздражении народных масс против «сильных» людей. Новый этап — это «Всеволодов подъем» (1086—1092) — время единодержавного правления в Киеве Всеволода Ярославича. Раздражение, им накопленное (в особенности, злоупотреблениями княжеских судебных и административных агентов), разряжается в бурных событиях середины 1090-х годов. «Ранне-Мономахов подъем» (первые годы XII века) отмечен неистовствами ростовщиков. Их приходится ограничить в законодательном порядке, после киевской социальной спазмы 1113 г.; и т. д. и т. п. «Ставка на сильных» и вызываемая ею социальная реакция — вот два необходимых элемента в ходе исторических событий.

Но именно «ставка на сильных» или иначе — социальная конъюнктура, максимально благоприятная для развертывания деятельности социально могущественных общественных слоев, дает возможность накопить весь тот ряд признаков, который очерчивает «подъем», как время лихорадочной и многосторонней активности социальных верхов. Прежде всего, *строительство* (XI). Уже и в условиях древне-русской истории речь идет, главным образом, о кирпично-каменном строительстве. Деревянное строительство — во всяком случае мелкого и среднего масштаба — шло на Руси более или менее непрерывно, и по этому признаку нет возможности установить различия между повышениями и понижениями социально-экономической кривой. Позже были столетия, когда и кирпично-каменное строительство шло непрерывно (напр., в Московской Руси в середине XVII столетия). Но не таковы первые века русской истории. Тут периоды «подъема» отграничены обыкновенно с предельной ясностью от эпох «депрессии» имен-

но в качестве моментов усиленного кирпично-каменного строительства, отличающихся от периодов полного отсутствия его. Более того: древне-русский (и не только древне-русский) период «процветания» есть время *переноса кирпично-каменного строительства во всё новые месторазвития* (XII). До-Владимирова Русь практически не знала такого строительства. Владимир насадил его в Киеве. В «Ярославов подъем» (1030-ые годы) оно было перенесено в Чернигов. В «подъем Ярославичей» (1050-ые годы) к нему стал причастен Новгород. Во «Всеволодов подъем» (около 1090 г.) его навыки были распространены на Переяславль южный. В «Ранне-Мономахов подъем» (начало XII века) им был затронут Смоленск. Мы не станем удлинять перечисления. Его можно было бы продолжить и чрез весь XII век. Общая структура процесса не вызывает сомнений. Нужно только добавить, что названные «подъемы» (как и последующие) были не только эпохой насаждения кирпично-каменного строительства в новых районах, но также временем усиленного развития его в уже ранее освоенных. Между «подъемами» — провалы, вовсе не отмеченные известиями о строительстве или только с единичными примерами его. Вся история русских X—XIII вв. является сплошной иллюстрацией к названным положениям. Хроника строительства этих столетий, в детальной проработке ее, отлично увязывается со всеми прочими социально-экономическими признаками, как бы входит в социально-экономическую или вернее «организационную» историю этих столетий. История архитектуры обнаруживает себя, как одно из проявлений общего пульсирования социальной жизни, ритмического движения обще-исторической кривой. То же можно сказать и о *других памятниках изобразительных искусств* (XIII): живописи, миниатюры, ваянья. Применительно к наиболее выдающимся произведениям можно с точностью сказать, какому именно «подъему» принадлежит созданье каждого из них. Именно в моменты «процветания» накопляются психологические и матерьяльные предпосылки для подобно-

го рода творчества. Творческий дух оформляет косную материю. Возьмем наудачу два-три примера. Знаменитое роскошное «Мстиславово Евангелие» (1117) создано в «Средне-Мономахов» подъем. Не менее знаменитые фрески церкви Спаса-Нередицы в окрестностях Новгорода (1198) до сих пор свидетельствуют о продуктивности «Милонегова подъема» (называем его так по имени одного из тогдашних деятелей — новгородца Милонега). Подъем этот (конец XII-го — самое начало XIII-го века) оставил на новгородской почве самые разнообразные следы творческого своего взлета. «Святославов крест» (1224-ый год) в церкви Юрьева Польского (позднейшей Владимирской губ.) — наиболее примечательный памятник русского домонгольского ваянья — рассказывал всем последующим векам о лучших устремлениях «подъема Всеволодичей» (начало и середина 1220-х годов). Все эти памятники возникали по инициативе социальной верхушки: князей и духовных — в южной и северо-восточной Руси, князей и епископов, а также представителей городского торгового мира — в Новгороде. Это — материальный осадок владевших и м и «организационных идей». Социальные верхи не довольствовались местной художественной продукцией. Время «расцвета» есть момент *привоза в страну произведений искусства также из-за границы* (XIV). Этот факт стоит столь же твердо, как и тот, что эпохи «депрессий» представляют собою время отлива их из нее, а также гибели этого рода памятников. Мы избавим читателя от конкретных примеров. Подчеркиваем только, что по условиям времени (X-XIII вв.) к названным формулам нужно прибавить еще одну: периоды «процветания» совпадают со временем *привоза в страну реликвий* (XV). Тогда же, по преимуществу, идет *школьное и библиотечное строительство* (XVI). На протяжении рассматриваемых столетий, обладающих, вообще говоря, относительно небольшим количеством показаний подобного рода, это приурочение выдержано даже с большой строгостью. Назовем здесь имена двух древне-русских князей —

создателей школ и собирателей библиотек: Ярослава, проявившего эту свою деятельность в рамках «Ярославова подъема», и Константина Всеволодича, развернувшего ее в начале «подъема Всеволодичей» (конец 1210-х годов). Относительно школы и библиотеки, созданной Константином (более тысячи греческих рукописей, в том числе древних), мы точно знаем, что они погибли уже в следующую за тем «депрессию» (конец 1220-х годов). — Для всех подобных начинаний нужны разного рода специалисты. Время «взлета» следует представлять, как эпоху обогащения страны специалистами, а период «прогиба» кривой — как эпоху обеднения ее по этой части. Особенно детально можно проследить историю *вызова иностранных специалистов* (XVII). Летописи XI-го — первой половины XII-го ст. старательно отмечают этого рода случаи. Дух времени продиктовал то обстоятельство, что специалисты XI-XII вв., вызываемые на Русь (преимущественно из Византии), были иконописцами и певцами. К «подъему Ярославичей» приурочено два подобного рода указанья. — В те же отрезки времени происходил *прилив в храмы золота и серебра* (XVIII), в виде вкладов князей, епископов и бояр. «Ранне-Мономахов», «Мстиславов» и «Юрьево-Андреев» подъемы XII века весьма характерно отмечены сообщениями этого рода. В те же моменты притекали в церкви и монастыри и *земельные вклады* (XIX). В частности, для «Мстиславова» (начало 1130-х гг.) и для «Юрьево-Андреева» подъема (1150-ые годы) такая «связь явлений» стоит вне сомнений. Эти данные имеют большое значение в русской социальной истории. При помощи их мы прослеживаем, как складывалось церковное и монастырское вотчинное землевладение. Взрывом социальной энергии верхов порождались в эти столетия и *новые монастыри* (XX). Основание их есть признак «расцвета». Особенно четко выражено это соотношение в истории *основания новых епархий* (XXI), новых епископских кафедр. По условиям времени, создание каждой из них требовало большой подготовительной ор-

ганизационной работы. Проведение ее было возможно лишь в благоприятной для того обстановке. Также такой, напр., акт, как возведение новгородской кафедры в архиепископский ранг (1165), принадлежит к явлениям «подъемного» ряда. Для того, чтобы добиться этого результата, нужно было организационное усилие новгородских верхов, а кроме того, и большие материальные средства, необходимые для покрытия расходов, связанных с этим усилием. В нем отразился дух «подъема Садка», владевший в эти годы (1165-1167) новгородской действительностью. Он отразился и в широком строительстве. Главным его героем был Садко Сытинич, «богатый гость», воспетый в былине. Но наиболее рельефно дух «расцвета», переходивший в этих случаях в общий национальный подъем, отразился в *церковных торжествах* (XXII) того времени, имевших широкое национально-конструктивное значение. Торжества эти-как бы гребень волны отдельных древне-русских подъемов. Перенесение мощей св. Бориса и Глеба — наиболее яркий факт «Изяславова апофеоза» (1172), к которому была присоединена и политическая демонстрация единства старших Ярославичей, и акты княжеского законодательства, проникнутые интуицией «ставки на сильных». Перенесение мощей преподобного Ѳеодосия — завершение «Всеволодова подъема» (1091). Канонизация Леонтия, первого епископа Ростовского (1194) — один из наиболее ярких фактов «подъема» конца XII века.

Переходим к бытовым подробностям. И они не лишены значения, в общей систематике данных социально-экономической истории. Назовем, напр., *пиры* (XXIII). Нетрудно установить, что известия о пирах, из ряду вон выходящих, попадали в летопись только в «подъемные» периоды. Таковы пиры Владимира Великого (воспетые и в былинах), таковы отделенные от них двумя столетиями пиры конца XII века (пир великого князя Святослава Всеволодича 1183 г., пир Давыда смоленскаго в Киеве 1194 г.) и т. д. Также *бытовую широту* (XXIV) правящие верхи склонны

проявлять в моменты общего оживления и расцвета. Если вы читаете в летописи, напр., о том, что такой то князь роздал, по поводу рождения своего сына, 200 гривен серебра (большу́ю по тем временам сумму) нищим, то ищите соответствий этому известию в общей социально-экономической обстановке момента. В эпоху «процветания» страна дает *приют эмигрантам* (XXV). Лица, вынужденные покинуть родину, с особой охотой ищут убежища именно в той среде, которая находится в «подъемной фазе». В 1165 г. родственник византийского базилевса кир Андроник должен был покинуть Византию. Он направился к Ярославу Галицкому. «И прия и Ярослав с великою любовью, и да ему Ярослав неколико городов на утешение», т. е. в кормление. Этот факт — не безразличная черточка в обрисовке того «процветания», которое наметилось в южной Руси в середине 1160-х годов (называем его «Ростиславовым подъемом», по имени тогдашнего великого князя киевского).

От этих наблюдений частного характера и ограниченной приложимости переходим к заключительным двум пунктам, имеющим, как нам кажется, гораздо более глубокое социологическое и обще-историческое значение. Необходимая предпосылка «подъема» — *политическое объединение страны* (XXVI) или — по меньшей мере — политическая стабилизация в той ее части, которая переживает «подъемную фазу». «Владимиров подъем» был бы невозможен, если бы Владимир не достиг единовластия в пределах тогдашней Руси. Он утвердил в ней первенство Киева. «Времена Владимира Святого или Великого, говорит М. С. Грушевский, были кульминационною точкою этого процесса строения, завершением, так сказать, его механической эволюции, его роста». Этим качеством кульминации определяется необычайная (в древне-русских условиях) высота «Владимирова подъема» (см. ниже). Консолидация «Ярославова подъема» определилась тем, что по смерти брата своего Мстислава (1034) «перея власть его всю Ярослав и бысть самовластець Русьстей земли». Фун-

даментом «подъема Ярославичей» служило согласованное политическое действие трех старших сыновей Ярослава («братьев-триумвиров» — Изяслава, Святослава и Всеволода). «Всеволодов подъем» стал нарастать после того, как этот князь «переима власть Русьскую всю». Огромной заслугой Мономаха, заложившей основы, как «Ранне-Мономахова», так «Средне- и «Позднее-Мономахова» подъемов (первые двадцать с лишком лет XII-го века), явилось прекращение усобиц и восстановление единства русской политической системы. В конце 1120-х годов, уже после смерти Мономаха, этого же результата добился его сын Мстислав и тем обеспечил возможность «Мстиславова подъема» (1129—1133). Его плоды идут прахом в последующем политическом и экономическом распаде. Но лишь только князю Всеволоду Ольговичу удается хотя бы относительно справиться с этим распадом (к середине 1140-х годов) — в стране происходит новый мощный разряд строительной энергии, княжеское хозяйство идет к процветанию, накопляются запасы экономических благ.

Мы думаем, что и этих примеров достаточно. Число их легко можно было бы удвоить и утроить, не выходя из пределов обозреваемых столетий. Вопрос и сам по себе очевиден. Факты политической истории входят существенным слогаемым в движения прослеживаемой нами на этих страницах социально-экономической кривой. И опять-таки они входят в нее не в силу односторонней зависимости политики от экономики, но в порядке общей взаимной связи всех социальных явлений, общей проникнутости их единой «организационной идеей», особой для каждой эпохи. Скорее можно было бы говорить в этих случаях о зависимости экономики от политики, так как хозяйство расцветало в эти столетия на базе политического единства. Будет, однако, правильнее признать, что в моменты «расцвета» и в экономике и в политике сказывалось и действовало одно и то же организационное усилие. Оно выплескивалось и за пределы страны и находило себе выражение *во внешне-политической активности* (XXVII). Такая ак-

тивность — характерная и неизменная принадлежность «подъема». Она бывает двух родов. Прежде всего активность мирная, сводящаяся к завязыванию необычно (для данной среды и эпохи) широких дипломатических связей. Хороший пример такого рода активности дают нам последние годы жизни Владимира Святого. «И бе живя с князи околними миромь, с Болеславомь Лядьским и с Стефаном угрьскымь, и с Андрихом Чешьскымь». Эти слова указывают на широту политического горизонта. Наблюдение подтверждается известиями об обмене посольствами, напр., с Римом и Чехией. Те же черты выступают в известном (относящемся к несколько более раннему времени) рассказе о выборе Владимиром вер. Он заключает указания на соприкосновения Руси одновременно: с волжскими болгарами, немцами, хазарами и Византией. Если же мы дадим веру известию, занесенному в Никоновскую летопись под 1001 г.: «Того же лета посла Володимер гостей своих, аки в послех, в Рим, а другых во Иерусалим, и в Египет и в Вавилон, съглядати земель их и обычаев их», то картина предстанется нам в еще более внушительном виде. А купцы-послы, отправившиеся в страны Запада и Востока для ознакомления с ними, выступят в этом случае, в качестве отдаленных предшественников славной плеяды позднейших (XVIII-XX вв.) русских западо- и востоковедов. Не менее распространенной формой внешне-политической активности являются наступательные и завоевательные войны. Ряд таких войн вел и Владимир, на протяжении «Владимирова подъема». В начале «Ярославова» расцвета Ярослав ходил походом на Чудь (нынешних эстов) и основал в их земле город Юрьев (Дерпт, Тарту). В «подъем Ярославичей» великий князь Изяслав воевал в 1060 г. ссолов (ревельцев) *). «Ранне-Мономахов» подъем отмечен наступательными походами на половцев. Ко времени «Мстиславова» подъема относятся три похода на Чудь (1130, 1131, 1133); ко времени «Юрьево-Андреева» расцвета — поход на волжских болгар (1164). Немаловажной стороною обще-русского «процветания» конца XII-го ст. являлись наступательные действия по адресу половцев, волжских болгар, западных финов, Ливонии. Подобную же приуроченность наступательных операций к «расцвету» можно заметить и в первой трети XIII в. Вообще говоря, наступательная политика заключает в себе «диалектические» моменты. Агрессивность истощает силы страны и тем самым приводит к «кризису». Детище подъема рождает свою противоположность. Наиболее яркие примеры такого превращения относятся, в русской истории, ко временам, гораздо более поздним, чем рассматриваемые. Такова Ливонская война — порождение «Ивановского» (по Ивану Грозному) подъема (1550-ые — 1560-ые гг.), приведшая затем к глубочайшей депрессии. Такова и Великая Северная война (1700-1721), генетически связанная с «Ранне-Петровским» расцветом, а потом способствовавшая его переходу в «Средне-Петровскую» депрессию.

На этом заканчиваем перечисление признаков, использованных нами для характеристики древне-русских подъемов. Все они хорошо известны историкам. Задача заключается в том, чтобы *систематизовать* их, свести в единую картину. Разрешение задачи облегчается для социолога тем, что отдельные признаки изменяются не изолированно, но *согласно*, дают основание для констатирования ближайших между ними связей, для трактовки их с единой точки зрения. Такой точкой зрения и является установление чередования «подъемов» и «депрессий», вскрытие ритмики, присущей социально-экономической и вообще исторической жизни. «Подъемные» признаки отнюдь не равномерно распределены по годам и десятилетиям. Они группируются в определенные «кусты«, сгустки или средоточия, которые и знаменуют собою «взлет» или «процветание». Каждый «подъем» есть целая группа, це-

*) Называем немногие факты из множества их, сюда относящегося.

лый «клубок» или «пучок» «подъемных» признаков. Совершенно так же всякая «депрессия» есть совокупность, и при том немалая совокупность «депрессионных» (или «кризисных») признаков. Одни отрезки времени отданы как-бы всецело в удел «подъемным», другие — «депрессионным» показателям. Этот факт и есть лучшее выявление ритмики исторической жизни *).

Отрезки времени, в пределах которого накопляются *только* «подъемные» показатели, имеют различную длительность — от нескольких лет до нескольких десятилетий. «Владимиров подъем» (981-1015), по неполному подсчету **), ввел в действие не менее *четырнадцати* из названных нами выше категорий «подъемных» признаков (группы V, VI, VII, X, XI, XII, XIV, XV, XVII, XXI, XXIII, XXIV, XXVI, и XXVII нашего перечисления). При этом нельзя не отметить, что если мы возьмем двенадцатилетие 985-996, наилучше освещенное источниками, то результат будет тот же: в пределах этих 12 лет мы встретимся со всеми названными разрядами признаков. Для Ярославова подъема (1026—1039) наш подсчет улавливает до *одиннадцати* категорий их (группы I, V, VIII, XI, XII, XVI, XVII, XX, XXI, XXVI, XXVII *). В пределах «подъема Ярославичей» (1044—1061) мы региструем *девять* разрядов их (группы II, X, XI, XII, XIII, XVII, XX, XXVI, XXVII). Общая «понижательная» тенденция русских подъемов XI ст. (сначала 14, потом 11, наконец 9 категорий «подъемных» признаков) едва-ли случайна. Время Владимира было «кульминацией», после которой кривая пошла вниз. О том, что на протяжении рассматриваемых столетий она делала повороты и в другом — восходящем — направлении свидетельствует хотя бы «Средне-Мономахов» подъем, накопивший в течение четырех лет (1113-1117) не менее *десяти* разрядов «подъемных» признаков (группы V, XI, XII, XIII, XX, XXI, XXII, XXIV, XXVI, XXVII). Для «подъема Всеволодичей», начавшегося в 1216—1217 гг. и оборвавшегося в 1227 г., можно назвать даже до *тринадцати* категорий их (группы II, V, X, XI, XII, XIII, XV, XVI, XVIII, XXII, XXIII, XXVI, XXVII).

Этим сопоставлениям нельзя приписывать никакого *буквального* значения. И, напр., из только что сделанных замечаний отнюдь нельзя выводить, что, скажем, гребень «подъема Всеволодичей» был выше «Средне-Мономахова». Слишком велика роль случайности в подсчете этих категорий. Да и относятся они к отрезкам времени неодинаковой длительности. Но и эти сопоставления показывают, думается нам, с достаточной ясностью, что «подъемные» признаки выступают в истории не по-одиночке, но *группами*, совокупностями бóльших или меньших размеров. Они целиком заполняют собою определенные периоды времени. Это обстоятельство тем более примечательно, что в пределах названных периодов к ним почти не примешиваются или не примешиваются вовсе признаки другого, а именно «депрессионного» ряда.

*) Встречаются, однако, немногие периоды, в пределах которых «подъемные» признаки как бы конкурируют с «депрессионными», перемежаются и сочетаются с ними. Такие периоды мы рассматриваем, как переходные от «подъема» к «депрессии» или обратно. Но во многих случаях переход этот выражен очень резко, и дело обходится без такого промежуточного периода.

**) Этот подсчет произведен, главным образом, на основе монографической литературы (в составе нескольких десятков названий). Уже один лишь просмотр всех относящихся сюда томов «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) дал бы возможность заметно его пополнить. Нами и был произведен такой просмотр — в частности, применительно к «Владимирову подъему» (в этом случае речь шла о томах I-V, VII, IX, XV, XX, XXIII и XXIV ПСРЛ). Он дополнил приведенный нами в тексте список «подъемных» признаков Владимирова расцвета группами XVI, XVIII и XX нашего перечисления. Однако, в тексте мы не производим этого пополнения, дабы сохранить сравнимость сделанного подсчета со всеми последующими.

*) Сплошной просмотр соответствующих томов ПСРЛ (см. предыдущее примечание) пополняет этот список еще четырьмя группами: VI-ой, IX-ой, XVIII-ой и XXIV-ой.

Последние приурочены, по преимуществу, к тем хронологическим промежуткам, которыми отделены друг от друга отдельные «подъемные» периоды.

Каковы же эти «кризисные» показатели и как велики эти промежутки?

*
* *

«Депрессионные» признаки в большинстве случаев как бы соотносительны «подъемным», будучи прямой их противоположностью. Так, напр., сообщениям о торговых предприятиях и торговой деятельности отвечают упоминания *о гибели торговых предприятий, о разорении купцов* (1). *) Таких сообщений рассматриваемые века оставили немало. И все они приурочены к заминкам в общей социально-экономической жизни страны, напр., к заминке середине 1080-х годов («Давыдова депрессия»), к «депрессии Ольговичей» конца 1130-х—начала 1140-х гг. и т. д. (все эти эпизоды называем по именам действовавших в них князей). В «депрессионные» моменты *гибнут накопленные ранее состояния* (2). Очень яркий пример этого рода, касающийся имущества епископа ростовского Кирилла, связан с глубокой депрессией, охватившей в конце 1220-х годов северо-восточную Русь. Многочисленны известия *о разграблении запасов хозяйственных благ* (3). Технические усовершенствования «подъемных» периодов сменяются в «депрессии» *техническим регрессом* (4). *Города пустеют* (5). Рассказы, относящиеся, напр., к «Святополковой депрессии» (1092-1101) или к татарскому нашествию (1237-1240), дают предельно четкую картину этого явления. В эти моменты пустеют и *военные опорные пункты* (6). Прокладыванию новых путей во времена «расцвета» отвечает *отмирание путей и перерыв торговых сношений* (7) в «кризисные» периоды. Большая торговля с мусульманским Востоком, очень существенная для экономического быта Руси IX-X веков, не пережила «депрессии Владимиричей» (1015-1026). «Вышатин прогиб» (первая половина 1040-х годов), отделяющий «Ярославов подъем» от «подъема Ярославичей», характеризуется перерывом торговых сношений с Византией, имевших основоположное значение для русской хозяйственной жизни XI века. Отношения эти страдали и в эпоху «депрессии Мстиславичей», в середине XII столетия. В «кризисные» периоды происходит *«деколонизация» страны* (8), отлив населения, увод его в плен. «Святополкова депрессия» конца XI века очень точно очерчена в летописных рассказах с этой ее стороны. — В социальной области депрессия сопровождается *«ударом по верхам»* (9). В «киевскую революцию 1068 г.», составляющую один из эпизодов «Всеславовой депрессии» конца 1060-х—начала 1070-х годов (обозначаем ее так по имени заводчика смуты — полоцкого князя Всеслава), в Киеве был разграблен двор княжеского воеводы Коснячка, там же был убит своими слугами новгородский епископ Стефан и т. д. Грабежи и бесчинства этого рода повторились и в «прогибах» социально-экономической кривой, приуроченных к 1113 и 1118 г. В «депрессию Мстиславичей» (середина XII века) последовательно было подвергнуто разгрому экономическое благосостояние дружины едва ли не всех выступавших тогда на южнорусской политической арене князей. При гибели князя Андрея Боголюбского (1175) страдает и весь созданный им в северо-восточной Руси «правящий отбор» и т. д.

В «депрессионные» моменты не только не предпринимается нового кирпично-каменного строительства, но часто *подвергаются разрушению и ранее выстроенные здания* (10). Гибнут или уплывают из страны *памятники искусства* (11) и *реликвии* (12). Исчезают *школы*; разрушаются *библиотеки* (13). Уезжают об-

*) Арабские цифры будут служить нам для сокращенного обозначения соответствующих категорий «депрессионных» показателей.

основавшиеся в стране *специалисты* (14). Тают, в результате грабежей и конфискаций, создавшиеся в храмах коллекции драгоценной утвари: *золото и серебро отливает из храмов* (15). Подвергаются секуляризации *земельные имущества* церквей и монастырей (16). *) *Монастырская жизнь замирает* (17). *Пустуют и предаются забвению епископские кафедры* (18). *Вспыхивают религиозные смуты* (19). В приуроченности к «депрессиям» этих последних вскрывается связь их с общим социальным недовольством, определительным для «кризисных» моментов. Для «Поздне-Мономаховой депрессии» (1123-1129) можно назвать, напр., два эпизода этого рода: появление еретика Дмитрия (1123) и захват монахами Печерского монастыря в Киеве церкви св. Дмитрия — «с грехом великим и неправо». Ожесточенными спорами на религиозные темы отмечены и некоторые моменты «депрессии Мстиславичей» (в частности, конец 1160-х годов). — Если годы «расцвета» приносят с собою известия о пирах и широком внешнем представительстве, то для «кризисных» лет показательны сообщения о *бытовой скудости* (20). В этой обстановке страна не только не привлекает к себе эмигрантов из других стран, но сама порождает *поток эмигрантов, уходящих за ее пределы* (21). Так, напр., «депрессия Владимиричей» и «Всеславова депрессия» равно сопровождались бегством за границы Руси отдельных представителей ее правящего слоя, сопровождаемых группами своих сторонников. В депрессию, предшествовавшую началу «Владимирова подъема», Варяжко, боярин князя Ярополка, ушел, после гибели своего князя, к Печенегам (980) «и много воева с Печенеги на Володимера». Возникновение этого потока эмигрантов связано, конечно, с тем, что «депрессия», в условиях названных столетий, неизменно является

*) Явлениями двух последних категорий очень наглядно отмечена «депрессия Ростиславичей», свирепствовавшая в северо-восточной Руси в 1175-1178 гг.

временем *политического распада* (22), эпохой междоусобий и разорения, от них происходящего. Это определение применимо буквально к каждой «депрессии», обнаруживающейся в пределах древне-русской истории. Возьмем несколько примеров из анналов XII-XIII вв.: «депрессия Мстиславичей» разражается в тот момент (1146), когда вместе со смертью киевского князя Всеволода Ольговича рушится относительная политическая стабилизация, им созданная. Выход на определенный срок из недр этой депрессии отдельных областей связывается, в первую очередь, с установлением в них более или менее прочного политического порядка. И наоборот, нарушение этого порядка ведет к новым «рецидивам» депрессии, которая была полностью изжита на Руси лишь к концу 1170-х годов. Как только оказывается ниспровергнутым создавшееся в конце XII века политическое замирение южной Руси, немедленно же последний пред ее вековым упадком блистательный «подъем» последних двух десятилетий этого века сменяется катастрофическим кризисом 1202-1203 г.г. Политическим распадом питаются, в значительной степени, и относящиеся к первой трети XIII века кризисы северо-восточной Руси. История, как и природа, не терпит пустоты. Картина политического распада немедленно же пробуждает в соседях дух агрессивности и толкает их на вмешательство во внутренние дела охваченной распадом страны. Это наблюдение оправдывается всей историей рассматриваемых столетий. *Нашествия иноплеменников и вмешательство их в русские дела* (23) — постоянный спутник русских «депрессий» X-XIII вв. Едва-ли найдется хотя бы одна древне-русская депрессия, которая не давала бы примеров этого рода. В качестве «интервентов» выступают, по преимуществу, степняки (печенеги и половцы), а также поляки. Но случая поживиться за счет соседа не упускали ни венгры, ни литовцы, ни немцы, ни волжские болгары.

По сказанному выше, «депрессиям» присущи специфические формы выявления «демократического» нача-

ла. *Выступления веча* (24) являются в древне-русских условиях одним из немаловажных признаков «депрессии» *). Первые упоминания о значении веча в Киеве и Новгороде принадлежат «депрессии Владимиричей». В событиях «Всеславовой депрессии», киевское вече, о котором перед тем не было ничего слышно в течение более 40 лет («подъем» Ярослава и Ярославичей), выступает в некоторые моменты в решающей роли. На ход событий «Святополковой депрессии» (1092-1101) оказало влияние вече города Владимира Волынского. В обстановке XI века «депрессию» сопровождали *выступления волхвов* (25). Эти представители языческого мировоззрения говорили в эти десятилетия голосом народного недовольства (ср. их выступления в конце «депрессии Владимиричей» в 1024 году и в конце «Всеславовой депрессии» в 1071 г.). Недаром же летопись подчеркивает связь их появления с наступлением скудости и голода. Рассказ боярина Яна Вышатича о подавлении им движения волхвов в Белоозерском крае, включенный в летопись под 1071 годом, является одним из лучших и неподражаемым по своему драматизму произведением древне-русской литературы. В то же время он прямо предваряет ту *историографию революций*, которою так богата позднейшая русская культура.

«В «кризисные» моменты давление на социальную верхушку со стороны народных низов приводит *к законодательству и фактам с «демократической» тенденцией* (26). О «нивеллирующем» значении постановлений «Русской Правды» 1016 г. мы уже говорили. В позднейшие десятилетия к усилению «социального» законодательства привели и бурные киевские события 1113 г. После них был ограничен в законодательном порядке размер заемного процента и приняты меры к охране так называемых «закупов», т. е. людей, попавших в правовую зависимость от своих кредиторов.

*) Только позже в Новгороде и Пскове вече стало более регулярно действующим установлением.

Показательны, в этом отношении, и мероприятия в пользу «смердов» (зависимого сельского населения), проведенные новгородским князем Михаилом в «депрессионный» момент конца 1220-х годов. Наконец, депрессия есть время широких народных бедствий: *дороговизны, голода и мора* (27). Мы называем эту категорию признаков в последнюю очередь, но на деле она имеет огромное значение. Перерыв торговых сношений ведет к повышению цен на привозные продукты. Особенно яркие данные о повышении цен на *соль* имеются у нас для конца «Святополковой депрессии» (относительно Киева) и для 1232 г. (относительно Пскова). Бедствия усугубляются неурожаем. Соответствующие указания имеются для ряда «кризисных» моментов XI-XIII вв. *) Голод ведет к мору (особенно ярко эта «связь явлений» вскрывается в новгородских событиях 1229-1230 гг.).

Все эти признаки сами по себе очевидны. Существенно указать на их *группировку* в истории. Наш, далеко не полный подсчет дает, напр., для «депрессии Владимиричей» не менее *десяти* разрядов «депрессионных» по-

*) Этот факт ставит применительно к названным столетиям тот вопрос, который до недавнего времени был особенно популярен в современной русской экономической науке: вопрос о связи общего движения экономической жизни с урожаями. В пределах рассматриваемого периода можно в длинном ряде случаев установить, что «депрессия» сопровождается недородом и голодом. Для «депрессии Владимиричей» засвидетельствован голод в стране суздальской (запись под 1024 г.); для «Всеславовой депрессии» — «скудость» в ростовской области (1071); для «Святополковой депрессии» — «глад крепок во всей русской земле» (конец 1090-х годов); для «Поздне-Мономаховой депрессии» — голод в Новгороде (1128); для «первого новгородского рецидива депрессии Мстиславичей» — «велика нужа» в Новгороде (1161); для «прогиба» 1188-1189 гг. — «дороговизна хлеба» там же; в «депрессии Всеволодичей», в 1215 г., «поби мраз обилье по волости» (Новгородской). Следует обратить внимание на периодичность появления этих известий в источниках. Величина «интервалов», их отделяющих друг от друга, колеблется в пределах 30—45 лет («Брюкнеровские» циклы).

казателей (группы 7, 9, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27 нашего пречисления); для депрессии «Всеславовой» и «Святополковой» — не менее, чем по *восьми* таких категорий (группы 3, 9, 21, 22, 23, 24, 25, 27 — в первом случае, группы 3, 5, 8, 10, 22, 23, 24, 27 — во втором). Не меньшее количество «депрессионных» показателей накопил также и «кризис» 1227-1232 гг., прослеживаемый нами по данным северной и северо-восточной Руси (группы 9, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27*).

Наличием депрессионных «провалов» с тем большею силой выявляется значение «подъемов», как эпох напряженного осуществления «организационной идеи»

Нужно полностью отдавать себе отчет в том, что изображенный на этих страницах подбор «подъемных» и «депрессионных» показателей свойственен именно рассматриваемой эпохе и специфичен для нее. В другие эпохи — и «подъемы», и «депрессии» характеризуются иными признаками. И если знаток того или иного исторического периода найдет, что известный ему материал в тех или иных своих чертах, не подтверждает нашей схемы — это не есть возражение против нее. Всё предыдущее построено на основе конкретных данных русской истории X-XIII веков *и в своей полноте значимо только для нее.* Если в другие периоды дело обстояло иначе, чем в эту эпоху — подобные факты создают почву для интересных сопоставлений, но не опровергают правильности намеченной нами системы «подъемных» и «депрессионных» признаков, как выражения условий жизни домонгольской Руси.

Но наблюдения наши ставят и более общий вопрос. Мы отнюдь не ограничиваем одной домонгольской Русью приложимости употребляемого нами метода,

*) Необходимо подчеркнуть, что наш анализ сосредоточен, в данном случае, исключительно на проблеме «малых» циклов (см. ниже). Поэтому такие признаки, как принятие Русью христианства, с одной стороны, или постоянно действующая связь исторических факторов с географическими, с другой, вовсе не учтены на этих страницах. Именно в силу грандиозности своего значения они относятся к характеристике «больших» циклов.

взятого в его наиболее общих чертах. Как раз наоборот: мы полагаем, что метод этот, в соответствующей его переработке, может быть применен *к условиям любой страны и любой эпохи.* Для каждой из них может быть намечена свойственная этой стране и эпохе «биологическая кривая» *) — стóит лишь выработать отвечающую ее особенностям шкалу «подъемных» и «депрессионных» показателей. Огромное значение в этой работе должно приобрести прослеживание того, как изменяется с течением времени только что названный подбор признаков. Некоторые намеки на такую постановку вопроса заключаются и в предшествующем тексте (ср., напр., замечание о наростании с течением времени значения «технических» усовершенствований). Но, конечно, исследование должно быть поставлено несравненно более широким образом. Наблюдения над изменениями упомянутого нами подбора показателей могут и должны стать важным критерием в периодизации исторического процесса. Но не менее существенны они и в плане своеобразного «районированья» этого процесса. Для историка не может быть безразличным, какие географические рамки охватывает каждый из устанавливаемых им «подъемов» и «депрессий». Тот, кто взглянет на приложенную к этой статье таблицу, увидит, что для периода от Владимира Святого по 1150 г. нам удалось установить ряд конъюнктур, имеющих более или менее «обще-русский» характер **). В пределах отрезка времени от 1150-го по 1178-й г. такая конъюнктура безус-

*) Термин предложен Н. С. Трубецким. Мы понимаем его в наиболее широком смысле: «жизненной кривой». Историческую «жизненную кривую» и методы ее установления мы строго отличаем от соответствующих понятий и методов естествознания.

**) В связи с выдвигаемым здесь понятием «биологической кривой», «конъюнктуру» мы понимаем, как определенное (особое для каждого периода «конъюнктурного» цикла) обстояние основных факторов, характеризующих жизнь данной страны. Изменениям этого «обстояния» отвечают изменения конъюнктуры.

ловно не установима: Русь, в эти годы, живет под знаком нескольких, не совпадающих друг с другом местных конъюнктур *) В последние два десятилетия XII века «обще-русская» конъюнктура снова на лицо. С первых же лет XIII столетия «биологическая кривая» южной Руси, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, вообще, не может быть прослежена со сколько-либо значительной степенью достоверности. Нечего и говорить о том, какое значение могли бы приобрести для историка подобного рода наблюдения, при достаточно широкой их постановке. В нашем случае вполне возможно, что некоторые из названных в таблице «подъемов» и «депрессий» окажутся общими Руси и тому или иному ее соседу, или даже целой группе их. Было бы весьма важно установить, как далеко простираются границы таких общих конъюнктур» в обстановке рассматриваемой нами эпохи. Говоря абстрактно, проблеме *общности конъюнктур*, охватывающих не одну, но несколько стран, нужно приписать не только социально-экономическое, но и крупное обще-историческое значение. Установление такой общности было бы большим шагом *к строго научному определению понятия «культурных миров»* (более широких, чем отдельные страны), в котором так нуждается современная наука. Ученого-евразийца не может не интересовать вопрос об исторических предварениях обще-евразийской конъюнктуры. Такая конъюнктура с предельною ясностью выражена в *экономической* истории России-СССР второй половины XIX-го — первых десятилетий XX-го века. Уже и в рамках старого порядка она обладала определенной долей независимости от конъюнктуры

*) Весьма знаменательно, что этому факту можно привести параллель из истории русского языка: происходящее из Галицкой Руси т. наз. «Добрилово» Евангелие (около 1165 года) является первым (по времени) памятником, указывающим на распадение русского языка на «южную» и «северную» ветвь (указание Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона).

«мирового хозяйства» *). В период «пятилетки», с ее лихорадочным строительством, совпавшим по времени с мировым кризисом, эта «независимость» сказалась с небывалой дотоле силой **). Современная проблематика ставит вопросы, обращенные к прошлому: имеется ли в отдаленные эпохи что-либо, отвечающее конъюнктуре современного «мирового хозяйства» (хотя бы в виде «подъемов» и «депрессий», охватывающих одновременно не одну, но несколько стран)? как в этом отношении ведет себя пространство теперешней России-Евразии? можно ли, применительно к отдаленному прошлому, констатировать специфическую взаимную связь «биологических кривых» отдельных его частей? иными словами, приводят ли методы изучения этих кривых к установлению общих признаков, характеризующих всё пространство России-Евразии, подобно тому, как приводят к таким результатам географические, лингвистические, антропологические и другие подобные изучения? в частности, можно ли говорить о единой конъюнктуре, свойственной различным частям Монгольской державы XIII-XIV веков (по граням своим приблизительно совпадающей с Евразией)? В отношении к работе, которая поставила бы своей задачей ответить на этот последний вопрос (чрезвычайно существенный с точки зрения евразийской научной системы), эта статья могла бы служить частичным историческим и методологическим введением.

Но многое ясно уже и в настоящий момент. Устанавливая шкалу «подъемных» и «депрессионных» признаков, отвечающих условиям каждой данной страны и эпохи, — наука, при их помощи, может как бы испробовать вкус и ощутить запах любого данного от-

*) См. книгу С. А. Первушина: Хозяйственная конъюнктура, Москва 1925, а также рецензию на нее Д. Н. Иванцова в «Евразийской Хронике», выпуск IX (1927), и «редакционные примечания» к этой рецензии.

**) См. нашу статью «Пятилетний план и хозяйственное развитие страны» в сборнике «Новый Град» (1932).

резка времени, в обстановке той или другой страны. Исследование «биологических кривых», в их применении к фактам общественно-исторического порядка, должно усилить нашу восприимчивость к особенностям и отличительным чертам отдельных периодов прошлого. Оно должно повысить тонос нашего к нему отношения. Оно призвано по новому *вооружить* нас, в наших исследовательских начинаниях. Оно не может не открыть нашему взору ту взаимную связь, которая сопрягает во-едино ряды разнородных исторических явлений, оно должно помочь нам *историю понять, как систему*. Исследуя «биологические кривые», мы не только должны по новому ощутить вкус, цвет и запах времени, но можем по новому познать и его структуру.

Евразийцы в свое время поставили проблему «всеобщей истории состояний и классов». «Многое осветив, говорили они, в социальной истории Востока и Запада, русская наука призвана осветить социальную действительность всего мира». Это установка применима и к вопросам изучения «биологических кривых», тем более, что в явлениях последовательной смены «ставки на сильных» и «уступок слабым» (см. выше), эти вопросы непосредственно соприкасаются с социальной историей. Вся мировая история открывается нашему взору в новом свете. Должно быть изучено пульсирование ее сердца, чередование в ней мощных взрывов организационной энергии и последующих ее «провалов». Выставляя этот тезис, мы подходим к вопросу, имеющему касательство к *самым общим чертам строения мира* и при том не только мира истории, но и мира природы. Ведь и физика, в теории квант, учит, что «изменения происходят в природе не непрерывно, а как бы взрывами», что «не сплошным и непрерывным потоком, а рядом следующих друг за другом взрывов» выделяется «свет и вообще лучистая энергия». Не иначе выделяется и *организационная энергия* человеческого общества, не иначе реализуется в нем *сила организационной идеи*.

Говорить так, вовсе не значит отожествлять явления общественные с явлениями физическими. Не подлежит никакому сомнению, что своеобразие и самозаконность каждой из названных категорий явлений неизмеримо велика. Говорить так — это значит видеть то единое, что́ лежит в основе и одних, и других, несмотря на огромные и многообразные *качественные* различия, отделяющие их друг от друга.

Надлежит установить «биологические кривые» как западных, так и восточных обществ: ярко выраженное (в рамках определенных периодов) чередование «подъемов» и «депрессий» свойственно и тем, и другим. Нам кажется, что жгучий научный интерес представило бы, напр., исследование «биологических кривых» славянских стран (польских, чехословацких, югославянских областей), затем важнейших европейских и азиатских обществ *). Многое, конечно, сделано в этом отношении и к настоящему времени. Но те явления, которые можно назвать «малыми циклами» в пролегании этих кривых, иначе говоря — подлежащие детальному выявлению относительно непродолжительные колебания общего ритма жизни отдельных стран, — *пока что изучены недостаточно*. Между тем, здесь открываются громадные возможности (как это посильно стремилась показать и наша проработка проблем древне-русской истории). Не десятки, но скорее сотни исследователей могли бы найти достойное применение своим силам на этом поприще. Ведь тут имеет значение не только изучение каждой страны и эпохи, как таковой, но также сопоставление «биологических кривых», им свойственных, вскрытие общих ритмов движения.

И чем дальше будет продвигаться эта работа, тем яснее будут вырисовываться очертания периодической системы сущего, в ее историческом и динамическом разрезе.

П. Савицкий.

*) Не говорим здесь о проблемах, которые ставят в этом плане америко,-африко- и океаниеведенье.

„Подъем“ и „депрессия“ в домонгольской Руси. [1])

Название и характер периода	Хронология	Зарегистрированные группы признаков (Римскими цифрами отмечены «подъемные» признаки, арабскими — «депрессионные»).
Владимиров подъем	981-1015 2)	**Четырнадцать групп** (V, VI, VII, X, XI, XII, XIV, XV, XVII, XXI, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII).
Депрессия Владимиричей	1015-1026	**Десять групп** (7, 9, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27).
Подъем Ярослава и Ярославичей 3)	1026-1061 3)	**Четырнадцать групп** (I, II, V, VIII, X, XI, XII, XIII, XVI, XVII, XX, XXI, XXVI, XXVII).
Всеславова депрессия	1061-1071	**Восемь групп** (3, 9, 21, 22, 23, 24, 25, 27).
Изяславов подъем	1071-1073	**Шесть групп** (X, XI, XIII, XX, XXII, XXVI).
Переходной период 4)	1073-1086 4)	**Четыре группы** «подъемных» (I, XI, XXIV и XXVII) и **пять групп** «депрессионных» признаков (7, 21, 22, 23, 24).

Прим. 4-ое см. на с. 98.

1) Об источниках, использованных при составлении таблицы, см. текст ст. (с. 83, примечание). Группировка материала в таблице несколько отличается от группировки его в тексте: в некоторых случаях членение его в статье является более детальным. В частности, депрессии, характеризуемые тремя или еще меньшим количеством групп признаков, мы не включаем в таблицу, отмечая их существование только в примечаниях. — Откладывая число «подъемных» признаков кверху от горизонтальной оси, а число «депрессионных» показателей книзу от нее — было бы нетрудно эту таблицу превратить в диаграмму.

2) Последние годы этого отрезка времени носят, по всей видимости, характер «переходного» периода, с отличительным для него сочетанием «контрастных» признаков.

3) Вышатина депрессия» первой половины 1040-ых г.г. делит этот период на две части («Ярославов подъем» и «подъем Ярославичей»). В тексте статьи они и рассмотрены каждый в отдельности. «Вышатина депрессия» выражена не очень ярко (три группы «депрессионных» признаков: 7, 8, 23). Это и позволяет рассматривать весь названный период, как одно целое (см. примечание 1-ое).

Название и характер периода	Хронология	Зарегистрированные группы признаков (Римскими цифрами отмечены «подъемные» признаки, арабскими — «депрессионные»).
Всеволодов подъем	1086-1092	**Шесть групп** (X, XI, XII, XVI, XXII, XXVI).
Святополкова депрессия	1092-1101	**Восемь групп** (3, 5, 8, 10, 22, 23, 24, 27).
Мономахов подъем 5)	1101-1123 5)	**Тринадцать групп** (I, V, X, XI, XII, XIII, XVIII, XX, XXI, XXII, XXIV, XXVI, XXVII).
Поздне-Мономахова депрессия 6)	1123-1129	**Шесть групп** (1, 19, 21, 22, 24, 27).
Мстиславов подъем	1129-1133	**Одиннадцать групп** (I, V, VII, X, XI, XII, XIV, XVIII, XIX, XXVI, XXVII).
Переходной период	1133-1137	**Пять групп** «подъемных» (I, XI, XII, XVII, XXI) и **пять групп** «депрессионных» признаков (7, 9, 22, 23, 26).
Депрессия Ольговичей 7)	1137-1144	**Пять групп** (7, 9, 22, 24, 27).
Подъем Ольговичей	1144-1146	**Пять групп** (III, X, XI, XII, XXVI).
Депрессия Мстиславичей	1146-1150	**Семь групп** (7, 9, 19, 22, 23, 24, 26).

4) Последние годы этого периода (1084-1086) могут быть выделены в особую «Давыдову депрессию». Ее характеризуют три категории депрессионных показателей (7, 22, 23).

5) «Мономахов подъем» двумя прогибами (один — около 1113 г., другой — около 1117-1118 г.) делится на три части: «Ранне-Мономахов», «Средне-Мономахов» и «Поздне-Мономахов» подъемы, о которых и говорится в тексте. К каждому из этих «прогибов» приурочено по три группы депрессионных признаков (9, 24 и 26 для 1113 г., 9, 22 и 23 для 1117-1118 г.).

6) Нужно отметить, что в течение этой «депрессии» на Руси не прекращалось строительство (XI).

7) Эта «депрессия», в пределах имеющихся у нас материалов, характеризуется почти исключительно данными, относящимися к Новгороду.

Название и характер периода	Хронология	Зарегистрованные группы признаков (Римскими цифрами отмечены «подъемные» признаки, арабскими — «депрессионные»).
В период 1150-1178 гг. на Руси нет общей «конъюнктуры» и развертывается ряд «местных» конъюнктур.		
Южная Русь.		
Переходной период	1150-1157	**Пять групп** «подъемных» (IV, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII) и **пять групп** «депрессионных» признаков (9, 11, 22, 23, 24).
Первый киевский рецидив депрессии Мстиславичей	1157-1160	**Пять групп** (7, 9, 22, 23, 24).
Ростиславов подъем	1160-1168	**Шесть групп** (I, XVIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII).
Второй киевский рецидив депрессии Мстиславичей	1168-1178 8)	**Пять групп** (7, 9, 15, 19, 22).
Новгород 9).		
Нифонтов подъем	1150-1156	**Четыре группы** (XI, XIX, XX, XXIV).
Первый новгородский рецидив депрессии Мстиславичей	1156-1165	**Пять групп** (7, 9, 23, 24, 27).
Подъем Садка	1165-1167	**Пять групп** (I, X, XI, XXI, XXIV).
Второй новгородский рецидив депрессии Мстиславичей	1167-1178 8)	**Четыре группы** (7, 9, 23, 27).

8) 1170-ые годы как в Киеве, так и в Новгороде имеют характер переходного (от депрессии к подъему) периода.

9) Детальное сопоставление показывает, что ход новгородской кривой близок — в годы 1150-1178 — к ходу киевской кривой, хотя и не вполне с ним совпадает. Кривая, присущая развитию северо-восточной Руси, существенно отличается в эти годы от них обеих.

Название и характер периода	Хронология	Зарегистрованные группы признаков (Римскими цифрами отмечены «подъемные» признаки, арабскими — «депрессионные»).
Северо-восточная Русь.		
Юрьево-Андреев подъем	1150-1166	**Десять групп** (V, IX, X, XI, XII, XIV, XVIII, XIX, XXVI, XXVII).
Переходной период	1166-1175	**Две группы** «подъемных» (XI, XXVII) и **одна группа** «депрессионных» признаков (22).
Депрессия Ростиславичей	1175-1178	**Шесть групп** (9, 15, 16, 22, 23, 24).
К концу 1170-ых гг. вся тогдашняя Русь снова оказывается под знаком «подъема».		
Святослав-Рюриков подъем 10)	1178-1202 11)	**Одиннадцать групп** (I, X, XI, XIII, XIX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII).
Депрессия Всеволодичей 12)	1202-1218	**Восемь групп** (7, 9, 15, 22, 23, 24, 26, 27).
Подъем Всеволодичей	1218-1227	**Тринадцать групп** (II, V, X, XI, XII, XIII, XV, XVI, XVIII, XXII, XXIII, XXVI, XXVII).
Водовикова депрессия	1227-1232	**Восемь групп** (9, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27).
Переходной период	1232-1237	**Три группы «подъемных»** (XI, XVIII, XXVII) и **две группы** «депрессионных» признаков (22 и 23).
Татарское нашествие	1237-1240	**Четырнадцать групп** (3, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 21, 22, 23, 26).

10) Новгородский вариант этого подъема мы называем «Милонеговым подъемом» (см. текст статьи).

11) Ход этого подъема нарушен «прогибом» в пределах 1188-1189 гг. (депрессионные показатели: 7, 23, 27).

12) С начала XIII в. наши сведения о жизни Киевской Руси становятся очень скудными. Всё дальнейшее основано почти исключительно на данных, относящихся к Новгороду и Северо-восточной Руси.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО П. Н. САВИЦКОГО — В. Н. ИЛЬИНУ.

Владимир Николаевич,

«Из газет» я узнал о Вашем «письме в редакцию» «Возрождения», помещенном в этой газете 25 октября 1934 г.

В этом письме Вы присоединили к своему имени титул профессора Православного Богословского института. Но поступаете ли Вы, как *любому православному*, а не только профессору Богословского института — поступать должно? Знаете ли Вы, что заблуждающихся нужно обличать до трех раз — и лишь после этого надлежит прерывать с ними общение? А обратили ли Вы хотя бы *однажды* в лицо евразийцам, как целому, тот упрек, который Вы теперь включили в Ваше письмо в «Возрождение»? О том же, кто, какие люди *представляют* евразийство как целое, и кому, в первую очередь, надлежало обращать Ваш упрек, Вы не могли не знать, так как *лично участвовали* в учредительном евразийском съезде, состоявшемся в сентябре 1931 г.

Бог да будет судьей между евразийством и Вами. Но за то, что Вы *так* обставили Ваш «выход» из евразийства, как Вы сделали это в Вашем письме в «Возрождение», да покроет Вас стыд и позор. И это

тем более, что в среде евразийцев, от «личного» общения с которыми Вы теперь отрекаетесь, Вы проработали полных 10 лет — лучших и наиболее творческих лет Вашей жизни.

Мы, евразийцы, абсолютно уверены в своей правоте. И знаем, что не на нас, но на Вас *ляжет пятном* этот «выход».

П. Савицкий.

ОПОВЕЩЕНИЕ.

По поводу письма В. Н. Ильина, появившегося в газете «Возрождение» от 25. X. 1934 г. *), Секретариат ЕАО сообщает следующее:

1. В. Н. Ильин работал в евразийских изданиях и участвовал в делах. ЕАО с 1922-23 гг. Он был с нами в период борьбы с «кламарской оппозицией», представлявшей собой попытку «большевизации» евразийства. Он участвовал в составлении основного евразийского идеологического документа: «Декларация. Формулировка. Тезисы — 1932», *до настоящего времени сохраняющего свое значение программы евразийского*

*) Письмо это гласит следующее: «Милостивый Государь, г. Редактор. — Не откажите в любезности поместить в Вашей уважаемой газете нижеследующее письмо: В недавно вышедшем литографированном журнале «Евразиец», издающемся в Брюсселе под коллективной редакцией нескольких лиц, имя мое помещено в списке сотрудников. — Пользуюсь случаем заявить печатно, что я давно прекратил всякое сотрудничество в каких бы то ни было евразийских изданиях в виду их явной для меня наклонности к большевизму — равно, как и вышел из евразийских группировок и прервал, как идеологическое, так и личное общение с ними. — Примите уверение в совершенном к Вам почтении и глубокой преданности. В. Н. Ильин, Профессор Православного Богословского Института в Париже».

движения и обязательного для каждого евравийца «исповедания веры». В. Н. Ильин считает возможным сочетать подчеркивание своего звания профессора Православного Богословского Института с нарочитым замалчиванием приведенных выше обстоятельств; находит допустимым опорачивать своих недавних друзей, подкрепляя свои слова ссылками на издание (брюссельский «Евразиец», № 25), заведомо осужденное Евразийской организацией, как целым.

2. Секретариат полагает, что в этих условиях каждый евразиец без труда даст должную нравственную квалификацию поступку В. Н. Ильина.

3. Секретариат подчеркивает, что на В. Н. Ильине лежат, к тому же, некоторые, подкрепленные документами денежные обязательства в отношении Организации, которых В. Н. Ильин до сих пор не выполнил. При наличии их, выход из Организации, путем помещения письма в газете, приобретает особо предосудительный характер.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
От редакции	5
К преодолению провинциализма — *П. Н. Савицкий*	5
Духовные предпосылки евразийской культуры — *Н. Н. Алексеев*	13
Об идее-правительнице идеократического государства — *Кн. Н. С. Трубецкой* . .	29
Идет ли мир к идеократии? — *Н. Н. Алексеев,, Я. А. Бромберг, А. А. Шликевич* .	38
Идеократическое содержание хозяйства — *К. А. Чхеидзе*	51
Мировая революция и духовное назначение человека — *Н. Н. Алексеев*	57
«Подъем» и «депрессия» в древне-русской истории — *П. Н. Савицкий* . . .	65
Открытое письмо В. Н. Ильину	101
Оповещение Секретариата ЕАО	102

Обложка работы Светланы Карцевской.

РНБ Русский фонд
89-8
846-11

